

Анастасия Астафьева

Глафира и Президент

Притча времён ковида

*Жить по-старому Русь моя кончила,
Дней былых по полям не ищи.*

Борис Корнилов. Тройка

Домой

(1 мая, пт.)

В апреле бабка Глафира переболела ковидом.

Тяжело переболела. Не думала и оклематься. Хорошо, фершалка отправила в больницу, на скорой увезли. Не хотела ехать-то, упиралась: беременную кошку Мурку да пяток курочек на кого оставить?

Провалилась недели три, под присмотром хо-рошим, доктора уважительные, внимательные. Кормили куда добро!

Выписали на майские. Домой ехала как на собственные именины: душа пела. И голова кружилась ещё. То ли от радости, то ли от слабости.

Вышла бабка Глафира из гремящего автобуса на своей остановке, тот поехал дальше, обдав её на прощание пылью.

Дерева-то вдоль дороги выросли! Лес целый! Теперь вот и далее не видать, а раньше-то на холме и соседняя деревня — домик к домику смотрелась. Лист на берёзе с пятак: пора лук садить, а она вот отдыхает.

Дышать-то как хорошо, Господи! Восемьдесят третий годок, а не надышалась... Травой, наверно, пахнет, черёмухой, одуванчики-жёлтоптенчики по полю рассыпались. Глафира подошла к невысокому кусту черёмухи, выросшему впритык к ржавой железной остановке, и нарочно сунулась носом в белую пышную кисть: нет, не пахнет, не чувствует. Доктора предупредили, что и нюх не сразу возвратится, и руки дрожать могут, ну и всякое другое. У каждого по-своему проявляется.

Бабка подхватила небольшую сумку с больничным «приданным» и неторопко пошла к своему дому через молодой березняк, засеявший сколько уж лет не паханное поле.

Родная деревенька, растянувшаяся в длинный ряд по-за этим полем, с нетерпением ждала возвращения своей жительницы. Когда-то большая и многонаселённая, ныне она одряхла и одичала. Жильями остались три дома. Крайний от проезжей

дороги — её, Глафирин. Тот, с противоположного конца, у леса, — деда Семёна. Что случись, кричи — не докричишься. К тому же старый чёрт глух, как пробка. Третий оставшийся в живых и жилых дом принадлежал теперь дачникам — семейной паре, изредка наезжавшей из райцентра.

Остальные дома печалили Глафирино сердце и туманили мысль. Стояли они холодные, тёмные, покосившиеся, с проваленными крышами, с заколоченными окнами. И только в памяти старухи в каждом из них по вечерам зажигался свет...

Дед Семён сидел на крыльчке её дома и тянул вонючую дешёвую папиросу.

— Что, ожила, старая калоша? — выкашлял он, заведя хозяйку. — Ну, принимай хозяйство. Кошка с приплодом где-то на чердаке шарится. Одну куру, надо быть, лиса утащила. Остальное в сохранности. С тебя за конвой — шкалик.

Дед расплылся в беззубой улыбке.

— Лиса-то не у тебя ли в брюхе? — задиристо прокричала Глафира. — Поди, суп из хохлатки похлебал! Вот и будет с тебя за конвой...

Тяжело отдыхаясь, она присела рядом с дедом на крыльчко, гаркнула ему в самое ухо:

— Чего ещё хорошего скажешь, старый?!

— Дык чаво... — неопределённо ответил дед Семён и поднялся. — Картошку пора садить, вот чаво.

— Не знаю, хватит ли силушки... Ладно. Ключ-то под камешком?

— Не копал ещё... — ответил дед уже из-за калитки.

И убрёл в свой край. Много с ним наговоришь, с тетерей.

Глафира приподняла серый в белую крапинку булыжник, привалившийся у крыльца и обросший сочными листьями сныти, достала из-под него ключи и отомкнула замок.

Изва, стосковавшаяся за три недели по хозяйке, аж засветилась от радости. Солнце плеснулось в окна и запрыгало весёлыми зайчиками по нехитрому бабкиному жилищу. И старая печь показалась вдруг Глафире вновь побелённой невестушкой, и застиранные половики вроде как заиграли яркими красками, и белые задергушки на окнах засияли чистотой, и подсолнухи на затёртой клеёнке кухонного стола потянулись навстречу тёплым лучам, а подёрнутое папиной зеркало, висящее

над комодом, отразило весь этот скромный старушечий мирок по-праздничному. Даже богатые с выцветшей фоторепродукции знаменитой картины Васнецова, которую Глафира давным-давно вырезала из журнала «Работница» и приколотла на стенку за диванчиком, заулыбались выздоровевшей старухе, а Алёша Попович даже вроде как призывно подмигнул!

Услышав хозяйку, спустилась с чердака Мурка, торопливо забежала в открытую дверь и, громко напевая извечную кошачью песню, принялась тереться о Глафирины ноги.

— Ах ты, позорница, что я теперь с твоим вывощком буду делать? — незлобиво выругала бабка кошка.

Наклонилась, погладила, а когда выпрямлялась, потеряла вдруг равновесие и, ухватившись за стол, опустилась на лавку у окна.

— Ох ты ж... подумай-ка... — произнесла она вслух. — Экая ты, Глашка, стала рбзвальня...

До болезни, даже в свои восемьдесят два с хвостиком, бабка была ещё хоть куда, справлялась со всем хозяйством сама: и огородик небольшой копала, и в ближний лес по ягоды-грибы бегала, могла даже забор подлатать. Таблетки от давления, конечно, пила. Иногда фершалка делала какие-то уколы. Сына Вальку, живущего с семьёй в соседнем районе, попусту никогда не дёргала. Переезжать к нему в квартиру отказывалась. Любила волю. В длинном, жилистом, сухом теле Глафиры всю жизнь словно заведённая пружина тикала: ровно, споро, чётко. И вот пружина разом ослабла.

Бабка распахнула в майское утро створки окна, около которого сидела. В лицо ей дунул ласковый ветерок, заиграл занавеской. В огороде пенилась цветом старая груша. Пчелиный гуд над ней стоял. Любила Глафира эту скромную красавицу. Откуда и когда та попала к ней на огород — не помнила. Плоды груша давала щедро, почти каждый год, но... были они твёрдыми, вязали рот, даже варенье из них не получалось. Однако каждую весну, глядя, как бурно и радостно цветёт дерево, бабка по-детски верила, что на этот раз случится чудо и осенью она вонзит вставные зубы в мягкий, сочный, сладкий грушевый плод.

Кошка настырно бодала ноги хозяйки, просила молока. Пришлось подняться.

Глафира быстро разобрала сумку. Больничное побросала в эмалированный таз — потом простирнёт, документы прибрала в верхний ящик комода, кусочек мыла в мыльнице вернула к умывальнику, подошву тапочек протёрла мокрой тряпкой, скинула туфли, переобулась. Выложила на стол буханку хлеба и кусочек варёной колбаски, надорвала пакет молока, ливнула в кошачью миску. Мурка лакала, аж причавкивала. Бабка отрезала от кругляша колбасы пару тоненьких пластушин, покрошила на газетку, подвинула кошке.

Та благодарно вздёрнула хвост трубой. Была Мурка тощая, серо-полосатая, самая обычная деревенская кошка, но котят всегда таскала красивых.

Глядя на животину, Глафира и сама сжевала розовый кружок. Безвкусно. Худо без нюха-то, вся еда как салфетка. И испортится чего — не поймёшь. Но пить-есть всё равно надо. Воткнула пробки на электрошитке, поставила электрический чайник и, пока тот закипал, включила телевизор: узнать хоть, что в мире творится.

В мире бушевал вирус. Не щадил он ни старых, ни малых. И никто не знал, где этой беде конец. Забитые больницы, полевые госпитали для приёма больных. Врачи, дежурившие днями и ночами, да ещё во всей экипировке, измученные, загнанные.

Глафира охала и с благодарностью думала, что легко отделалась. Она налила в чашку кипятку, кинула в него чайный пакетик.

На экране появился Президент России. Он вёл дистанционное совещание, а растерянные министры, сидящие в окошечках на большом экране, как пчёлы в сотах, докладывали ему об обстановке. — Дорогой ты наш! — радостно протянула Глафира. — Схуднул-то как! Ты смотри там, поосторожнее. Ты нам здоровенький нужен. Не ручкайся лишний раз ни с кем. Особенно со всякими Ангёлками! Пусть сидят у себя в Германиях и к нам не суются.

Отхлебнув чаю, она продолжила беседу с телевизором:

— Витамины пей! Особенно который «це». Всё говорят, надо кровь разжижать. Вот «це»-то и разжижает хорошо. Я вот клюковки-то надавлю — и в чай. А хочешь, дорогой ты наш, я тебе посылочку pošлю: клюковки, шиповника, листа малинового! Или пусть уколы тебе полезные поколют, как Лариска-то мне делает...

В этот момент на крыльце скрипнула дверь, и через пару мгновений в избу зашла молодая женщина-фельдшер. Всё как положено: в белом халате, на лице — медицинская маска.

— О! Легка на помине! — восхитилась Глафира. — Я вот Президенту-то нашему говорю: проколи витамины.

— Здравствуй, баба Глаша, — по-деловому отозвалась Лариса, скидывая у порога кроссовки. — А мне с районной позвонили: проведай, как там бабушка добралась.

Она сполоснула под рукойником руки и деловито пощупала у пациентки пульс — частит, ловко померяла давление, попросила показать язык.

— Сыми маску-то, — заглянула та ей в глаза, — я уже не заразная.

— Так положено, — сухо ответила Лариса. — Ты, баба Глаша, пока не скачи. Лежи побольше. Волнуйся поменьше.

— Да как же не волноваться, когда такое в мире творится!

— Это не твоя забота. Ты теперь вылечилась. Потихоньку восстановишься...

— Да вот нюху-то вовсе нет! — пожаловалась Глафира и пихнула фельдшернице под нос кусок колбасы. — Пахнет чем?

Лариса, даже сквозь маску ощутившая резкий чесночный запах, поморщилась, отвернулась и ответила:

— Колбасой и пахнет. Вернётся обоняние. Нескоро, но вернётся.

— Так ведь весны не чую! — воскликнула Глафира. — Всё цветёт, благоухает! Вся и радость-то — весной надыхаться!..

— Таблетки пьёшь, которые выписали? — перебила бабкины причитания Лариса.

— Пью.

— Вот и пей. А я тебя теперь уж через недельку навещу, — говорила фельдшерница, надевая свои модные белые кроссовки. — Да не езди никуда, посиди дома.

— А куда я поеду? Буду огород копать.

— И с огородом подожди. Успеешь свою картошку посадить.

— Это уж я сама решу... — строго отрезала хозяйка.

Лариска убежала. Новости по телевизору закончились. Глафира сполоснула чашку, убрала продукты в холодильник и охнула: забыла! Хотела ведь попросить молодуху слазать на чердак — котят изловить. А то вырастут там, паскудники, дикарём, потом никакого сладу с ними не будет.

Глафира вышла на мост¹. На чердак вела довольно крутая лестница. Туда-то залезть — полбеды, а вот слезать...

Очень медленно, становясь на каждую ступеньку сначала одной ногой, а потом двумя, бабка полезла на чердак. Она остановилась на предпоследней ступеньке, по пояс высунувшись над стеной, всмотрелась в полумрак. Тонкие солнечные лучи пробили старую крышу дома в трёх местах, в них бесились пылинки. В засиженном мухами маленьком чердачном окошке не хватало одного стёклышка: когда выпало?.. Справа, под средним стропилом, стояла старая дырявая корзина. Наверняка в ней опросталась Мурка.

— Кыс-кыс, — робко позвала Глафира.

Тишина.

И вдруг в солнечном луче мелькнул и застыл крохотный лохматый чертёнок. Бабка чувствовала, что он внимательно, со страхом смотрит на неё.

«Большенькие уже... — подумала она. — Значит, Мурка чуть ли не в тот день, когда меня увезли... Это уж им без малого месяц...»

Чертёнок метнулся в сторону, и больше Глафира его не увидела, как ни кыскала, ни скребла по бревну ногтями, стараясь привлечь котят.

Выше она, конечно, лезть не решилась. Стала осторожно спускаться и, надо же, всё-таки оступилась на последней ступеньке и повалилась,

несильно, но больно стукнувшись головой о стоящий у стены старинный буфет.

— О-ой, что ж это, Господи?.. — заплакала Глафира, потирая шишку на голове, и рассердилась на котят: — Да бес с вами, растите!

Держась за стену, она вошла в избу, намочила под рукомойником полотенце и легла на диван, положив его — приятно холодное — на лоб.

Нет, не хотела Глафира сдаваться болезни и старости! Думы о своей беспомощности ввергали её в глубокую тоску, она гнала их от себя работой, заботами о маленьком своём хозяйстве. Вальяться? Никогда! Лучше бы тогда враз помереть! Что же не забрал её этот распроклятый ковид? Зачем же её вылечили?! Жить развалиной? Небо коптить? На чужих руках век долить?

Ох и тяжко было Глафире от таких мыслей. Голова болела и кружилась. Так и провалилась день до вечера. А там и не заметила, как уснула. Даже куриц не застала². Когда солнце покагилось к закату, они сами дисциплинированно зашли через маленький квадратный лаз в курятник, все четыре уселись на один насест бок к боку, тесно, тепло, смежили кожистые веки и чутко задремали. Без крикливой охраны, без петуха, курицам было одиноко и жутко.

День первый. Пришествие

(2 мая, сб.)

Соскочила Глафира рано, с зарёй. И словно новая! Солнце, поднявшееся на востоке, согревало землю, заливало округу благостным светом. Синички тенькали звонко. Воробышки чирикали, таскали соломку на гнездо.

Глафира неторопливо умылась, причесалась, придиричиво разглядев себя в зеркале — совсем сдала бабка... Потом оделась, вышла на радостную весеннюю улицу, подышала, поулыбалась солнышку. Посыпала зерна курочкам, которые, деловито покряхтывая, уже рыли землю в огороде. — Поройтесь, поройтесь, — радушно напутствовало их хозяйка, — всё мне меньше копать!

Принесла ведро воды от колодчика соседского дома — там всегда вода была вкусная, чистая до голубизны. Поэтому бабка даже после смерти хозяев многие годы следила за этим источником, не давала влаге в нём застаиваться и загнить.

Между делом и печку затопила — всё же сыровато с ночи в избе. Хоть на воле и солнечно, и тепло, и сухо, а земля от зимних холодов ещё не совсем отошла, студит. Берёзовые поленья, уложенные на поду русской печи, схватились бодрым

1. Мост, или сени — крытое неотапливаемое помещение, соединяющее зимнюю избу и хозяйственные постройки.

2. Здесь — не заперла в курятник.

огоньком, белёсый дымок потянулся к устью, а оттуда вверх, в трубу.

Пока шумел чайник, Глафира покыскала Мурку, но та, видно, была с котятками либо где сторожила мышку. Придёт, никуда не денется.

Старуха сидела, облокотив руки на стол, мелкими глотками пила из расписанной колокольчиками чашки горяченький чай, откусывая по маленькому кусочку от любимой конфеты «Коровка». Она и сама умела варить молочный сахар, но в магазинные конфетки добавляли то изюм, то кокосовую стружку, то орешки. Такую хитрость ей было не освоить, а почаёвничать и побаловаться сладким она любила. Однако сейчас полного удовольствия от утреннего чаепития Глафира не получила: чай был просто горький, конфета — приторно-сладкая. Никаких оттенков, ароматов она по-прежнему не чувствовала. Но налила вторую чашку, и послышалось ей, что у дома остановилась машина, хлопнула дверца — раз, другой.

Глафира выглянула в кухонное окно, но ничего необычного не увидела. Не поленилась, встала от стола, прошла за перегородку, в спальню — оттуда вид открывался на деревенскую улицу. Отдёрнула занавеску. На дороге между её домом и соседскими развалинами остановилась большая длинная чёрная машина. Рядом с машиной, спиной к Глафире, стоял высокий коренастый парень при полном параде — в костюме, с коротко стриженной головой. Смотрел он куда-то вдоль улицы. А по улице, в сторону дома деда Семёна, прогуливался невысокий человек, тоже в тёмном костюме. Шёл он без цели, останавливался, осматривался.

В это время из машины вышел второй такой же парень, тоже в костюме, тоже стриженный, такого же роста, но пожиже первого. Он коротко что-то спросил у коренастого. В ответ тот лишь пожал плечами. И теперь оба парня стали внимательно смотреть туда, где ходил, видимо, их шеф.

«Это что за начальство пожаловало? — мысленно спросила Глафира. — Или кто дом захотел купить?.. Не-ет, на таких машинах к нам не бывали...»

Не отрывая взгляда от невиданной картины, развернувшейся на родной деревенской улице, старуха рукой нашарила на пыльной этажерке, стоящей около кровати, очки, нацепила их на нос.

Тот, что прогуливался, не дойдя метров сто до дед-Семёнова дома, развернулся и уже ходко, упруго отправился назад к машине.

«Эти... как их... — соображала в это время Глафира. — Олигархи! Во! Землю приехали скупать! Свалки свои строить! Природу нашу отравлять, значит...»

Но тут же эта мысль в голове бабки прервалась и сменилась продолжительной немотой. Не веря своим глазам, Глафира вплотную прильнула к стеклу, почти вдавилась в него. Потом проморгалась и снова всмотрелась в фигуру, а затем

и в лицо идущего по улице человека. Даже дышать перестала.

— Президе-ент... — наконец выдохнула она и ухватила пальцами обеих рук за перекладину зимней рамы, снова почувствовав дурноту и боясь упасть.

Она даже махнула рукой перед собой, стараясь отогнать наваждение, но всё осталось как было: улица, чёрная машина, около неё два охранника и глава страны — довольный, улыбающийся.

Переговорив с ребятами, Президент не сел в автомобиль, а пошагал по тропинке к Глафирину дому. Охранники двинулись за ним. Машина завелась, проехала несколько метров, развернулась на полянке и поехала следом.

Через минуту в огороде стукнула калитка, а потом и на крыльце послышались шаги.

Глафира на бесчувственных ногах выползла из спальни, но дальше пройти не смогла, привалилась к перегородке, не сводя глаз с порога собственной избы. Раздался стук, дверь приоткрылась, до боли знакомый голос спросил:

— Можно?

И в следующую секунду в дом вошёл сам Президент.

— Доброе утро, Глафира Фёдоровна! Не помещаем? — бодро спросил он.

Сил ответить у старухи не хватило. Она вот-вот готова была грохнуться в обморок. Но два охранника, выросшие за спиной Президента, тут же профессионально оценили состояние бабули, шагнули к ней, бережно подхватили и на своих сильных руках донесли до стола, усадили на табуретку и придвинули ей чашку с остывшим чаем.

Глафира осушила её одним глотком, отдышалась.

Глава страны в это время тихо присел напротив и с тревогой следил за состоянием хозяйки дома. — Я ведь говорил, ребята, надо предупредить, подготовиться, — с укоризной заметил он охранникам и обратился уже к ней: — Как ваше самочувствие? — Ничего, — смогла ответить Глафира, — уже лучше. Спасибо.

— Ну и замечательно! А мы вот — к вам. В гости. — Ко мне?

— Да вы не пугайтесь так, мы всего на недельку. Вы же знаете, что в мире происходит?

— Что? — отупело спросила Глафира.

— Пандемия. Ковид. Каждый день новые жертвы коронавируса.

— А, это я знаю. Сама только вчера из больнички... — Совет безопасности принял решение отправить меня на отдых. Подальше от большого скопления людей, от города. На природу, на чистый воздух.

Глафира подумала и недоверчиво спросила: — А почему же именно к нам в деревню? Разве других нет?

— Ну-у... — неопределённо протянул Президент. — Совету безопасности виднее. Изучили пандемийную обстановку, экологическую ситуацию

в целом по стране. И человеческий фактор сыграл не последнюю роль. Выбрали вас!

Глафира смотрела на сияющего главу страны и не верила своим глазам и ушам:

— Разыгрываете вы меня...

— Почему же? Ребята, дайте бумаги...

Охранник, что покрепче, быстро достал из кармана пиджака какие-то бумаги, ловко освободил место на столе и разложил их перед Глафирой.

— Да что я тут понимаю?...—проворчала та.—Если вы жулики, так и не такие бумаги напечатать сумеете...

Президент нахмурился.

— Жаль, что вы нам не доверяете, Глафира Фёдоровна. Вот вам тогда мой паспорт и командировочное удостоверение.

И он действительно достал из внутреннего кармана пиджака свои документы и раскрыл их перед хозяйкой дома.

Бабка внимательно изучила всё, командировочное даже дважды, и печать через очки рассмотрела. Всё как настоящее. Взглянула ещё раз в лицо Президента, в его глаза, смотрящие прямо на неё открыто и доверчиво, и сделалось ей неловко. Она аккуратно сложила бумаги и протянула обратно.

— Вы простите меня. Сами знаете, какие времена настали. Кругом мошенники... Да и, признаться, подумала я—блазнится мне. После болезни...

— Всё хорошо. Не извиняйтесь.

Президент мягко пожал руку Глафиры, а у неё от этого прикосновения зашлось сердце. Ладонь у него была тёплая, сухая, твёрдая.

— Это вот, познакомьтесь,—указал Президент на своих ребят,—Илья.

Тот, что покрупнее, кивнул головой.

— А рядом с ним—Алексей.

Второй тоже молча кивнул.

— И ещё водитель у нас. Никитич. Не стесним мы вас?

— Дак что же, милые люди, вы в моей избёнке и жить собираетесь?—растерялась Глафира.— У меня ведь и условий нет... Удобства во дворе.— А мы, Глафира Фёдоровна, вот так и хотим пожить,—проговорил глава страны, оглядывая старухину избу,—что называется, «дикарями»! Сеновал, банька у вас имеются?

— Сеновал... да... только там пыльно, поди. Давно свежего-то не косили... Баньку можно истопить. Веников я запасла в прошлом году много. Воды в колодчике полно.

— Видите, как всё замечательно! Диванчик, смотрю, у вас есть. Мне и хватит. А ребята на сеновале поспят. Заносите вещи!

Илья с Алексеем, склонившись в низкой дверце, один за другим вышли из избы, было слышно, как они разговаривают на улице с Никитичем, достают из машины иносят на мост вещи.

Президент же, встав от стола, прошёлся по дому, приложил руку к едва потеплевшему печному боку, заглянул в спальню, остановился у комода, рассматривая фотографии, по старинному деревенскому обычаю собранные в одной раме под стеклом.

Хозяйка незаметно подошла, встала за спиной у гостя.

— Вся логиновская родová тут. Все покойнички,—проговорила она с удовлетворением, сняла рамку со стены, протёрла стекло рукавом.— Гли-ко, мухи-то засидели... Это вот мамочка моя. Всю жизнь на ферме дояркой проработала. Ну и я с ней... Рядом—папа. Он в сорок третьем с фронта пришёл. Контуженый, хромой. Это сестра старшая, Фрося. Ох, работающая была-а. Оттого рано и померла. За ней братья—Гена и Митя. Вот они тут, два парня, парочкой стоят. Оба шоферили. Потом уж—Зоя. Она у нас характерная росла. Красивая. Но судьба ей досталась... Ой, лучше не вспоминать... Я-то самая младшая, поскрёбышек...

А тут вот, в уголку, совсем худо видать, дед. Он в военной, ещё царской, форме. А рядом—бабушка, его на фронт провожает, на Первую мировую. Он там и погиб. Мы его никто не знали. А бабушка-то всех нас выпестовала.

Глафира взяла рамку, отнесла её в залу на стол. Протёрла стекло влажной тряпочкой. И фотографии будто ожили под лучами утреннего солнца, льющегося в окна. Лица людей, сидящих или стоящих перед фотокамерой, были напряжены, даже чуть испуганы. Только два братца, которых фотограф запечатлел в самом горячем возрасте, смотрели на мир весело, задиристо. Особенно в этом самодельном деревенском коллаже выделялись два фотоснимка. На одном мать Глафиры рядом с её же отцом—молодая, красивая. Видно было, какими неожиданно изысканными для крестьянки чертами лица, нежной кожей, тонкими запястьями наградила её природа. На другом—какая-то бледная, измождённая пожилая женщина с осунувшимся лицом и погасшим взглядом сидела в окружении пятерых детей. Узнать в ней ту семнадцатилетнюю нежную девушку было просто невозможно.— Это вы, с уточкой?—спросил Президент, показывая на двухлетнюю девочку в коротеньком платьице, стоящую у ног женщины.

— Конечно, я! А уточка эта резиновая, единственная купленная игрушка у нас была. Папа откуда-то привёз.

— А посередине—мама?

— Мама...

— Сколько ей здесь?

— А вот если Фросе пятнадцать, значит ей года тридцать три, может, тридцать четыре.

— Невозможно...—прошептал гость.— Она выглядит лет на шестьдесят...

— Работали много. А от работы и кони дохнут. Всё время на воздухе, на морозе, на солнце. Иссыхали

от трудов и забот... Ой, да что мы всё!—спохватилась хозяйка.—Надо ведь чаем вас напоить! Свежий заварила.

— Не откажусь. Сейчас ребята нам чего-нибудь вкусненького принесут. Рыбки, икорки. Давно не едали, наверное?

— Куда там!—отмахнулась Глафира.—Ничего ведь не чую после болезни. Мне что рыбка, что колбаска, что берёста—всё одно на вкус. А вы покушайте, покушайте... Да, может, ребятам-то каши сварить? Посытнее чтоб...

— Это они всё сами, вы не беспокойтесь. А мне бы умыться с дороги.

— Дак вот рукомойник-то. А полотенечко сейчас подам.

Глафира повесила фоторамку обратно над комодом, выдвинула ящик, искала и подала Президенту вышитый рушник.

Глава страны снял пиджак, повесил на пустой крючок рядом с бабкиными пальто и вязаной кофтой, закатал рукава голубой рубашки и умывался с чувством, с удовольствием, набирая полные пригоршни колодезной воды, окуная в неё лицо, протирая глаза, омывая шею, руки по локоть. А когда разогнулся от раковины и взглянул на хозяйку, то будто десять лет смыл.

— Как новенький!—не удержавшись, воскликнула Глафира и протянула ему полотенце.—Для самого дорогого гостя рушничок берегла. Вот и дождался!

Президент принял отбелённое льняное полотенце, вышитое по краям ёлочками и петухами, с почтением. Но оказалось, что от долгого лежания в комодке на ткани кое-где проступили желтоватые пятнышки.

Глафира заохала, оправдываясь: мол, чистое, новое, а поди ж ты—опозорилась старуха. Попыталась принести другое, но Президент остановил её, насухо вытерся, повесил полотенце на гвоздок рядом с рукомойником и сказал, чтоб никто не трогал—это его.

Илья с Алексеем как-то незаметно вернулись в избу, прихватив с собой сумку с провизией, и тихо накрывали на стол. Ребята вообще были немногословные, дельные, вымуштрованные. Самостоятельно нашли посуду, чашки, ложки. Алексей аккуратно нарезал хлеб, да не обычную серую буханку, как привыкла Глафира, а какой-то разный, невиданный—один коричневый, весь обсыпан семечками, другой чёрный, будто вакса, сверху облитый какой-то глазурью, да ещё длинный батон, в который зачем-то были запечены крупные чёрные и зелёные ягоды. Илья в это время красиво разложил на одной тарелке нарезанный сыр трёх сортов—от совсем белого до ярко-жёлтого с розоватыми прожилками, на другой—длинные полоски ветчины, на третьей—блестящие жиром тонкие ломтики красной рыбы. Тут же явилась

стеклянная баночка, доверху наполненная оранжевыми бусинами икры, и такая же, поменьше, с мелким чёрным бисером. Поставили ребята и сливочное масло в красивой фарфоровой маслёнке, и овощей накромяли от души—огурцы, помидоры, перец и ещё что-то незнакомое, заморское, похожее на зелёную грушу. Чайник подогрели, чай-кофе заварили, стол ловко из угла выдвинули на середину избы, лавку, табуретки расставили, чтобы всем поместиться. Тут и Никитич подошёл—этот постарше парней оказался, солидный, степенный. Поздоровался с хозяйкой.

Руки намыли, стали рассаживаться, и тут случилась заминка. Гости захотели Глафиру в красный угол посадить, а она ни в какую. Мол, в красном углу завсегда мужику сидеть положено, хозяину дома! Самое место для Президента. А глава страны ответил, что ему неловко это—не успел явиться, а уж за хозяина ставят. А Глафира тут и нашлась: мол, вас народ за хозяина давно выбрал, не мне переиначивать.

Ну, слава Богу, расселись. Каждый с тарелок себе по вкусу брал. Илья с Алексеем хлеб намазывали маслом, сверху сырок, рыбку, икорку клали, огурчиком хрустели. Никитич тянул пустой крепкий кофе из чашки. Специально для Президента принесли чугунок не чугунок, крышечку открыли—парок пыхнул, а там—простая геркулесовая каша. Илья сказал, что это «мультиварка». А Глафира понятно для себя назвала чугунок «кашница». Положил Президент себе в тарелку овсянки, в неё—хороший кусок сливочного масла и уплетал с аппетитом. На икру да на прочие деликатесы даже не посмотрел.

Глафира сидела так. Стеснялась. Руки на подол платья под клеёнку спрятала. Заметил дорогой гость, что хозяйка ничего не ест, отложил ложку:—Что же, Глафира Фёдоровна, не по душе вам наше угощение?

— Добро на меня только зря переводить,—ответила бабка,—говорю же, не чую после болезни. А сами-то вы что же деликатесы не кушаете? На кашке, смотрю...

— Это, Глафира Фёдоровна, называется зож. Здоровый образ жизни. Хотите попробовать? Алексей, подай тарелку.

Парень тут же отложил бутерброд, принёс тарелочку, кашки положил, маслица кинул, поставил перед хозяйкой.

Попробовала Глафира. Не солоно. Не сладко. Пресно. Но постеснялась кочевряжиться. Съела всё до последней капельки.

— Спасибо,—сказала,—полезная кашка. Но я вот вам в русской печке потом наварю. Вот где польза и вкус!

— Не откажусь!—ответил Президент, попивая кофеёк с молоком.—Да вы-то так ничего и не поели! Попробуйте!

— Это вот чего за булка такая? — поинтересовалась Глафира, всё поглядывая на батон с ягодами. — Я в какой-то передаче такую занятную видала. Попробовать бы...

— Это багет с маслинами и оливками, — прокомментировал Илья и положил ей на тарелку два кусочка. Один сверху прикрыл ломтиком жёлтого сыра, другой украсил помидоркой и веточкой укропа.

Откусила Глафира, пожевала и еле сглотнула. Ягоды те солёные да жирные оказались. Противные! А не выплюнешь, когда на тебя смотрят... Стерпела, доела кусочек тот, что с сыром, через силу. Запила поскорее чаем. Второй отодвинула: — Всё, сыта. Спасибо!

Ребята так же быстро, как накрыли на стол, и убрали с него. Посуду намыли, вытерли, на место всё поставили. Продукты в маленький холодильник еле впихнули. Пошептались о чём-то и попросили Глафиру показать баню, как её топить, откуда воды носить. Она отвела, объяснила.

Алексей с Ильёй переоделись в спортивные костюмы, схватили вёдра и снова за работу принялись. Никитич, видать, не такой расторопный. Всё больше ходил, смотрел, а потом капот машины открыл и пропал под ним, крутил чего-то, постукивал.

А Президенту кто-то позвонил, он за калиточку вышел и до-олго прогуливался туда-сюда и разговаривал. Глафира заметила, что Никитич в машине-то копается, а один глаз с главы государства не сводит. Следит, чтобы всё хорошо было.

Ей тоже пора делом заняться — весна тёплая, солнечная, земля сохнет быстро, надо за огород приниматься. Достала Глафира из кладовки любимый лёгкий заступ, грабельки, выкатила тачку, чтобы компост на грядки повозить, и пошла за дом, где у неё был разрабтан участок под картошку, стояла крохотная тепличка из старых рам, торчали проволочные дуги под парник. Курочки бродили по огороду, рыли лапками, выклёвывали что-то из тёмной сырой земли. Вокруг гряд, по целине, сквозь жёлтую полёгшую прошлогоднюю траву упрямо проклёвывались перья травы молодой, упругой, сочно-зелёной. Пушилась отцветшая мать-и-мачеха, жирели одуванчики, лопухи упрямо лезли из-под земли, как ни рубила их каждое лето и лопатой, и топориком старуха.

Глафира воткнула заступ в ближнюю гряду, огляделась и с досадой отметила, что в противоположном углу повалился забор: одно прясло³ совсем лежало на земле, второе повисло, зацепившись за ствол юной берёзки. Несколько лет подряд подпирала бабка эти прясла батожками, но, видно, срок пришёл — прогнила слегка⁴ окончательно, сломалась под ветром и снегом. Можно бы и не поправлять забор — скотины в деревне не осталось, никто не зайдёт, не потопчет всходы. Но душа

требовала порядка, и Глафира пошла в тот угол, попробовала приподнять упавшее прясло — да где там! Только задохнулась!

За этим занятием и застал её Илья: — Глафира Фёдоровна, вы бы нас позвали. Зачем сами-то?

— Да я уж как-нибудь...

— И лопата... Копать, что ли, вздумали? Так мы завтра вам всё за полдня вскопаем.

Илья шагнул к забору и одной левой поднял упавшую часть, поставил, подпёр, отряхнул ладони.

— Вот спасибо, Илюша! — обрадовалась Глафира и спросила, взглянув в сторону баньки. — Затопили?

— Пол там провалился, так мы чего спросить хотели: доски есть у вас? Починили бы...

— Доски-то?.. — задумалась бабка. — У меня стояли где-то две, но те не годятся, тонки. Тут хорошие надо, пятидесятку.

— Ладно, мы тогда до шилорамы с Никитичем, а Алёша пока старый пол выбросит, там груха одна.

Илья ушёл, и через пару минут чёрная машина уехала.

Глафира пошла в баньку — полюбопытствовать, что там делает второй охранник.

Алёша голыми руками выворачивал из пола гнилые, заплесневелые снизу доски, даже гвоздодёр был не нужен, до такой степени они иструхли. И балки тоже: стукни ногой пару раз — и переломятся.

— Ничего, бабуль, сейчас всё наладим! — весело сказал он, увидев настороженное Глафирино лицо в дверях бани.

— Вовек бабке с вами не рассчитаться!

— Считайте, что это благотворительность! — подмигнул Алёша в ответ и, выворотив половину балки, выпихнул её на улицу через банное окошечко. Рама была предусмотрительно выставлена и убрана в предбанник.

Чтобы не стоять над душой у работника, Глафира отправилась искать Президента. Тот сидел в избе за столом, разложив бумаги. Перед ним стоял раскрытый ноутбук.

— Помешала я вам... — тихо проговорила бабка. — Сейчас уйду, уйду...

— Вы мне не мешаете, Глафира Фёдоровна, — отозвался Президент, — это я ваш стол занял. Сейчас вот пару указов изучу, подпишу и освобожу.

— Сидите-сидите, я только печку скутаю⁵. Забыла ведь, полоротая...

Глафира заглянула в абсолютно чёрное жерло печи — отвлеклась ведь, упустила тепло, ну да

3. Прясло — часть забора, ограды от столба до столба.
4. Слега — толстая жердь между двумя столбами, на которую крепятся доски забора.
5. Скутать печь — закрыть заслонку или иным способом перекрыть трубу.

подслушишь жильё и этого достаточно. Задвинула заслонку и, прихватив полное ведро из-под раковины, понесла его на помойку.

Алексей со своей частью работы уже справился и теперь сидел на лавочке возле бани. А те, что уехали за стройматериалами, пока не вернулись. Увидев Глафиру с ведром, он попытался помочь, но тут уж бабка взмолилась:

— Я же не могу сиднем сидеть! Оставьте мне моё бабье хозяйство. Вам работы хватит.

Она выплеснула ведро на компостную кучу и тут вспомнила о важном деле:

— Алёша, божий человек, помоги ты мне котят поймать. Ведь одичают на чердаке совсем...

Пока парень взбирался по лестнице наверх и присматривался, Глафира давала ему указания: — Корзинка там, справа, меж стропилами стоит. Погляди там сперва.

С чердака сошмыгнула перепуганная Мурка и теперь, тревожно мявкая, крутилась под ногами — зорили⁶ её гнездо, мать переживала за детей.

Через минуту Алёша отозвался:

— Тут пусто...

— Разбежались, значит.

— Ничего, поймаем...

Было слышно, как он бросился за кем-то раз, другой, стукнулся обо что-то, что-то уронил, ругнулся и крикнул оттуда:

— Темно тут очень! Фонарик есть?

И тут же следом:

— Ага! Попался!

И через минуту свесился с чердака и протянул Глафире отчаянно орущего и царапающегося рыжего котёнка. Она приняла зверёныша, прижала к себе:

— Экий шубяной!⁷

Алексей снова заметался по чердаку, загремел чем-то. Мурка, путаясь в ногах у Глафиры, орала не переставая, тянулась к котёнку.

Из избы на шум вышел Президент и усмехнулся:

— Чертей, что ли, гоняете?

— Котят! — показала ему Глафира изловленного рыжика.

— Хоро-ош!

А тут Алёша подал сверху второго, белого.

Его принял Президент.

Мурка заметалась между людьми, ужасно страдая за своих детей.

— Ещё есть! — крикнул сверху парень. — Ох, хитрый! Никак не поймаю...

Тут во дворе затарахтел мотор грузовика. Послышались голоса.

С крыльца на мост зашёл Илья и, не понимая, что происходит, спросил:

— Где Алёшка-то? Доски надо разгрузить.

— Помоги мне котёнка изловить! — отозвался напарник. — Тогда и разгрузим.

Илья быстро взобрался по лестнице на чердак, и через пару минут они оба спустились с третьим котёнком.

— Серый, — прокомментировал Алексей. — Больше нет.

— Не серый, а дымчатый! Породистый — посмотри-ка! Прям русская голубая, — уточнил Илья.

— Ну разве что Васька-одноухий породистый! — захихикала бабка. — Моя Мурка только его любит. За три километра ведь ходит на свиданку!

Котят принесли в избу, устроили им в большой коробке лежанку, поставили в укромное место за печкой. Мурка сразу же юркнула к котяткам и развалилась, подставляя малышам сосцы, успокаивая их и себя.

Взрослые парни, как дети, не могли оторваться от этой идиллической картины — присели около коробки на корточки. Никитич и Президент стояли рядом, тоже смотрели и улыбались.

— Смотрите, как котятки интересно улеглись, — сказал глава страны, — сначала белый, потом этот дымчатый и рыжий.

— Белый, синий, красный! — догадался Никитич. — Это же российский триколор!

— Ну, Мурка, ты настоящая патриотка! — подвёл итог Илья.

А кошка лежала, блаженно щурясь, громко мурча и гордясь своими котятками.

Глафира в мужские дела не лезла, а взялась сварганивать работягам-ребятам супчик: чистила картошку, резала лук, тёрла морковь. А слух её тешился позабытыми звуками — на улице, около бани, трещала бензопила, стучали топоры и молотки, да ещё какой-то неведомый инструмент издавал ноющее «не-е-е-е-е, ну не-е-е-е-е», как будто никак не хотел работать, а его насильно заставляли. Ребята потом объяснили, что так «ноет» электрорубанок.

Часа через два все эти звуки стихли, а из банной трубы потянулся дымный шлейф.

— А есть ли у вас, Глафира Фёдоровна, самоварчик? — потирая, словно от удовольствия, руки, вошёл в избу Президент. — Хочется после баньки чайку из самоварчика! — и добавил: — Эх, хорошо рубаночком побаловался! Досочки, м-м-м, как лакированные! Ножку и захотите — не занозите. — Это вы сами?.. Мою старую баню... — заохала Глафира. — Стыдно мне даже...

— А вы не стыдитесь, а гордитесь! Будут потом к вам на экскурсию приезжать — покажете скамеечку, которую я строгал! — засмеялся Президент и приобнял хозяйку за плечи. — Так что насчёт самоварчика?

— Есть, как не быть! Только достать надо из кладовки, — и, продолжая говорить на ходу, Глафира повела гостя за собой, — а то как электрический-то

6. Зорить — ломать, разорять.

7. Шубяной — лохматый, пушистый.

чайник сын подарил, так я и разлёглась самовар ставить. Да и на кой он, ведёрный-то? Дольше грею. А выпью чашку-две, не боле... Вот и убрала подальше.

Она распахнула дверь углой кладовочки, где вдоль стены на лавке стояли и висели на стене разные старинные предметы. А на сундуке, окованном по краям заржавевшими металлическими лентами, под маленьким квадратным окошечком, в окружении глиняных кринок⁸, высился потускневший от времени латунный самовар-медалист. — Да тут как в музее! — воскликнул Президент и потрогал, крутанул колесо самопрялки⁹, стоящей у входа.

— Храню вот, не знаю зачем. Выкинуть — рука не подымается. Всё память... — и Глафира, прикасаясь к вещам, будто через это прикосновение припоминая историю каждой, стала рассказывать: — Сито — бабушкино наследство. Из конского волоса ещё плетено. Да треснуло вот... Вожжи и хомут на стене — отцовские! Сыромятные. А это любимая мамина мутовка¹⁰, масло сбивать. А вот лошадка деревянная. Брат Митя делал. Он умелец был по игрушкам-то. Бывало, и свистулек глиняных нам налепит, и куколок из соломы навяжет... Да вот и куколка!

Глафира повертела в руках соломенную девочку с косой, одетую в тряпочный сарафан и крохотную косыночку, и бережно положила обратно.

— Тут вот, в мешочке, бабки¹¹ костяные, — продолжала она экскурсию по старине. — Это дедово наследство.

— Что за бабки? — заинтересовался Президент, принимая от хозяйки тяжёлый холщовый мешочек. — Мужики да парни играли в стародавние времена. Соберутся зимой на пустой риге¹² и состязаются. Кидают костью в кость. Попал — себе взял. Кто меткий — разори-ит вчистую. Дед-то, бабушка рассказывала, удачливый в этом деле был. Красиво играл. За то она его и полюбила.

— Тяжёлые какие... — достал гость одну бабку из мешочка.

— А он, хитрован, свинцом их заливал. Дырочку просверлит и туда нальёт. Бабка такая и летит лучше, и бёт точнее... Вышивка вот, — Глафира погладила рукой приколотую к стене тряпочку с васильками. — Это Фрося любила. О-ой! Зиму напролёт вышивала и кружева плела. Мастерница знатная! Я сколь ни хотела за ней угнаться, не могла.

— Зачем же она тут у вас висит? В дом надо красоту такую. Любоваться.

— Здесь лучше. Опасаюсь, что там выцветет на свету. А тут — всё как новая.

Глафира подумала.

— И то правда, возьму. В рамку повешу.

Она осторожно сняла с мелких гвоздочков края вышивки, свернула тряпочку в рулончик.

— Вот и самовар. Берите. А я трубу прихвачу.

И она сняла с большого гвоздя ржавое колечко с ручкой.

Парились мужики долго. Банька маленькая, только-только вдвоём развернуться. Вот и ходили — сперва Президент с Никитичем, потом ребята.

Глафира им травяного чаю заварила да брусники мочёной плошку поставила. А сама собрала чистое, банное — даже халат новый, в мелкую ромашку, достала, да и прилегла покуда в спальнеке на кровать, поверх покрывала. Такой удивительный день выдался! Кому рассказать — не поверят! Посмеются над бабкой.

Задремалось. Но сквозь чуткий сон Глафира слышала, как тикают ходики, гудит холодильник, то и дело капает вода из рукомойника в раковину. В приоткрытую форточку окна спальни залетали птичьи посвистывания — то синички прыгали по веткам набирающей цвет яблони. Загудел шмель, потыкался в стекло и улетел. Звонко, дружно закокотали курочки, копающиеся в огороде, — надо яичко проверить.

Глафира открыла глаза, и сделалось ей отчего-то тревожно. Она взглянула за окно и поняла причину: солнце потускнело, по небу заходили серые облачка — предвестники дождя. Она всегда предчувствовала смену погоды не только по ломоте в костях, особенно в изработанных за долгую жизнь руках, но и по необъяснимому беспокойству, накатывавшему на неё. Подумала вдруг, что всё ей показалось, приснилось — нет в её доме дорогих гостей, не стоит в проулке большая чёрная машина, не топилась баня, и полы в ней по-прежнему гнилые, и как есть она одна-одинёшенька на белом свете.

От таких мыслей сделалось Глафире зябко, сумеречно. Она села на кровати, уняла внезапную дрожь, охватившую всё тело, успокоила себя рассуждением, что болячка не до конца отпустила, вот и нашло такое состояние. Ничего, погрееется, попарится в баньке, и отступит хвороба. Взглянула на часы — удивилась: казалось, подремала минут пятнадцать, а уж почти два часа прошло. Прохладно всё же. Как ребята собираются на сеновале

8. Кринка — небольшой глиняный сосуд с широким горлом для хранения молока.

9. Самопрялка — деревянное устройство с колесом для механического прядения и изготовления нитей из различных волокон.

10. Мутовка — кухонная утварь; деревянная, обычно сосновая, палочка с короткими сучками на конце.

11. Бабки — суставные кости конечностей копытных животных, вываренные для студня и высушенные, специально подготовленные для игры.

12. Рига — деревянная хозяйственная постройка для сушки и обмолота снопов зерновых.

ночевать? Да ещё после бани. Не простыли бы. Ребята... Всё-таки есть ребята или нет?

Хозяйка вышла из избы на мост, прошла до повети¹³, поднялась по невысокой ступеньке, заглянула—красота! Какие всё же толковые у Президента парни: палатку поставили, внутри—матрасы раскатали. Складные стулья и столик принесли. Фонарь повесили.

Заулыбалась Глафира, повеселела, и более всего оттого, что всё оказалось правдой. Не сон, не морок на неё нашёл. Здесь гости дорогие!

А тут и шаги послышались—ребята из бани вернулись, позвали её.

—Идите, Глафира Фёдоровна, парьтесь!—сказал раздумявшийся Алёша.

—Хороша банька у вас, а венички—одно удовольствие!—вторил ему распаренный до красноты Илюша.—И вода мягкая, всё тело задышало.

—С лёгким паром, добры молодцы! Отдохните пока.

Глафира прихватила одежду с полотенцем и пошла к бане.

Президент и Никитич сидели на крыльце. Молчали. Любовались весенним лесом.

—Сил нет идти—так напарились!—радостно сказал Президент, завидев хозяйку.—Дышим вот. Не воздух—молоко парное. Пить—не напиться!

Никитич молчал и улыбался.

Внутри бани было влажно, жарко. Радостно белел новенький пол, усыпанный берёзовыми листиками. Ребята, оказывается, и полóк¹⁴ другой поставили, и две лавочки вдоль стены. Глафира провела рукой по струганой досочке—ни зазубринки, даже краешки сняты, сглажены. Уж не эту ли досочку миловал своими ручками Президент?.. Села—крепко, надёжно. Набрала в таз воды из котла, разбавила холодянской из бочки. Плеснула на каменку совсем чуть-чуть. Та отозвалась не шибко, не взрывно. Зашептала словно. Сидела бабка, грелась. Флакончики, оставленные мужиками, рассматривала, открывала, пыталась нюхать, да всё одно—не пахнет. На одной баночке прочитала крупно написанное: «Мыло натуральное». Открутила крышечку—желе какое-то розовое. Зачерпнула, размазала по мокрой мочалке, почучкала. Пены стало! Смывала да смывала, всё равно кожа скользкая. Не скрипит. Наверное, много взяла. Голову уж простым мылом намылила—так привычнее.

С наслаждением смывала с себя Глафира бо-
льничный дух, мысленно благодарила Создателя за
то, что оставил её в живых, и за подарок такой на

старости лет, за дорогих гостей. Решила, что завтра обязательно напечёт пирогов, квасу домашнего поставит. А ещё успеет за неделю связать в подарок Президенту носки. На память и чтобы не мёрзли у него ноженки зимой.

Мягкая горячая вода нежила, ласкала. Тело отмякало, душа млела. Распаренные косточки ныли глуше. Тревога отошла, отпустила. Благость коснулась головы старухи, положила тёплую материнскую ладонь на макушку. Глафира прикрыла глаза, и влага скатилась из-под ресниц её, и были ли то слёзы, пот ли, вода ли с помытых седых волос стекала по лицу—какая разница?

На столе в избе уже пел горячий самовар, заварка прела в фаянсовом чайничке, на тарелках томилась закуска. И бутылочка запотевшая посередине. Рюмочки к ней.

В кои-то веки ждали хозяйку к ужину гости.

День второй. Земля

(3 мая, вс.)

Май. Когда ещё так дышит земля, если не в мае? Когда ещё она налита такой силой, такой влагой, такой страстью? Когда ещё она так торопится при-
нять в себя семья, и обнять, и лелеять, и растить его в своём чреве? Опоздай—перегорит, пересохнет, растратит жажду любви и плодородия. Отцветёт пустоцветом. А если и завяжется плод, будет он хилым, безжизненным, завянет и опадёт. Всё должно случаться в назначенный час. Может, и научился человек обманывать природу-матушку, по наивности её, по доброте, по доверию детям своим, только всё, что через обман рождено, оно искусственное, нарочное, витамина, а значит, жизни в нём нет. Поэтому торопись, землешка, поклонись земле своей. Твои майские поклоны, до боли в спине, до потрескавшейся кожи на руках, до мозолей, натёртых лопатой, до цветных мушек в глазах, все твои труды и старания не останутся без награды. И забудется ломота в пояснице, когда примешь ты первенцев, выношенных и рождённых землёй, когда сорвёшь пучок пахучего укропа, когда с наслаждением захрустишь терпкой, сочной редиской, погладишь пупырчатую кожуцу огурца, впопёшься зубами в сочный, упругий помидорный бок, покатаешь и взвесишь на ладони белотелый кабачок, звонко отлотишь от кочерыжки кочан капусты, бросишь в ведро десяток крупных жёлтых картофелин. И усталость сменится радостью и удовлетворением. Потому что ты сыт от своих трудов, потому что своя морковка и свой лучок всегда будут слаще магазинных. Стало быть, какие ветра ни дуют над планетой, какая пандемия ни приди, хоть помирать собирайся, а жито сей.

Удобренная, рассыпчатая земля у Глафиры в огороде. И погода все дни стояла—Божья благодать. Да и сегодня хоть и пасмурно, но пока сухо.

13. Поветь—крытая хозяйственная пристройка к дому для хранения сена и другого сухого корма для скота, сеновал.

14. Полóк—широкая высокая полка в бане, на которой парятся.

Потому и не липнет земля к лопате, а, сброшенная со штыка, влажно разваливается по перекопанной гряде, обнажая голых бесстыдно-розовых червей, которых тут же норвят склюнуть прожорливые курицы.

Илья с Алёшей работали споро, весело. Что им, молодым да сильным, стоит вскопать эти три сотки бабкиного огорода?! Она одна тут две недели бы просидела, копала бы по метру в день... Никитич возил на тачке компост, раскидывал вилами по ещё не вскопанному.

День выдался тёплым, тихий, безветренный. Не жужжали над цветущими деревьями пчёлы, обидевшиеся на спрятавшееся за тучами солнце, и птицы пели глуше, скромнее. Всё же к вечеру, наверное, пойдёт дождь. Вон как давит всех. Хорошо бы успеть отсадиться. А там и польёт на славу!

Глафире было совестно сидеть без дела, и она, открыв с огорода дверцу погреба—проветрится заодно,—полезла туда набирать картошки на посадку. Села на лавочку у открытой двери, поближе к свету, подтянула к себе корзину с семенной картошкой—немного сажала бабка, хватало ей одной-то. Приятно было брать в заскорузлые руки сохранившиеся твёрдыми, с крепкими, пучкастыми ростками, картофелины. Стараясь не обломать драгоценные ростки, Глафира аккуратно раскладывала семенную картошку из общей корзины в низенькие ящики, в один слой. Пусть постоят на свету, подышат, позеленеют. Надо было за недельку-две до посадки вытащить, да вот захворала так не вовремя.

Бабка переключивала картошку, то и дело поглядывая на работников, которые уже перекидали пол-огорода и теперь присели отдохнуть на лавочке возле бани. Илья сходил в дом, принёс воды. Парни напились, говорили о чём-то, похохатывая. Было видно, что работа им в радость—молодые мускулы размять, потешиться с лопаткой.

У Глафиры на душе было сладко, словно это внуки приехали помочь бабке и привезли с собой и подарили ей чувство опоры, защищённости, уверенности, бабьей расслабленности оттого, что рядом есть кто-то сильный и надёжный. О том, что это очень временное ощущение, Глафира старалась не думать, жила моментом. Но предательская слеза всё же скатилась по сухой щеке, и обожгла, и горечью коснулась уголка губ.

Руки привычно откинули в сторону подгнившую, сморщенную картофелину. Немного их, плохих-то, штук пять на всю корзину. Глафира закончила работу и выбралась из погреба на свет. Разогнула спину, охнула, голова закружилась. Старуха зажмурилась и постояла несколько минут, опершись о бревенчатую стену, а когда открыла глаза и проморгалась, увидела Президента. Тот присел на корточки около перекопанной гряды,

набрал в ладони свежей земли, потёр меж пальцев, поднёс к лицу и с наслаждением втянул её аромат.

— Чем пахнет? — улыбаясь, спросила Глафира.

— Весной,—не сразу ответил глава страны,—талым снегом... корнями... травой... — Жизнью пахнет,—подвела итог Глафира.— Вдохнётся—и весь до краёв этой силой наполнишься. На год хватит! А я вот... проклятый ковид... не чую. И жизнь из меня утекает по капле. Нечем её пополнить.

Президент не ответил, да и что тут скажешь?..

С самого утра он снова работал с документами, за компьютером. Вот так отпуск! И на неделю покоя нет человеку! Глафира обычно вставала рано, с зарёй, а сегодня утром постеснялась тревожить дорогого гостя. Тот спал в зале, на диванчике, так тихо, спокойно, крепко, что она не посмела греметь посудой, дровами, хотя собиралась затворить пироги. Провалилась, промаялась лишний час на своей кровати, только бока отлежала. Потом выскользнула потихоньку из спальни и даже не умывалась, чтобы не лить воду в раковину, не брякать пипеткой рукомойника. Ушла сразу на улицу. Но гости не были засонями. Поднялись, умылись, чаю попили да и взялись за дела.

— Помочь вам, Глафира Фёдоровна? — спросил Президент и направился к открытой двери погреба. — Да чего уж... — смутилась хозяйка. — Разве что вот эти три ящичка взять да вон туда, к заборчику, на свет поставить.

Президент охотно перенёс ящики и спросил, что сделать ещё.

Глафира мялась, стесняясь о чём-то попросить, но потом заговорила робко:

— Ребята такие молодцы. Пожалуй, до обеда справятся... К вечеру и картошку посадим.

— Справятся! — охотно подтвердил глава. — И посадят!

— Я что хочу попросить... Дедок тут живёт. Дед Семён. На том краю,—Глафира махнула рукой, показывая, где дом того, о ком она говорит.— Он хоть меня и помоложе годика на три, но ему тоже тяжело. Дак это... Нельзя ли, чтоб ребята и ему вскопали?... У него совсем немного. Ведро картошки посадить... Вы меня извините, что я это... прошу... Неудобно, конечно... Но и деда жалко...

Президент вдруг задумался, нахмурился, потом прямо взглянул в глаза хозяйке, взял её под локоток и тихо заговорил:

— Понимаете, Глафира Фёдоровна, это не трудно. Вскопать-то ребята вскопают. Но, знаете... лучше, чтобы нас никто не видел.

— Я это понимаю, как не понимать,—так же тихо заговорила бабка,—но дед, он безобидный. Глухой, что пробка!

— Глухой, но не слепой...

— Да он никуда не ходит! Никому не расскажет! А фершалка прибежит, дак она и слушать не станет.

Не до того ей, чтобы во все наши стариковские бедности верить...

— Ну хорошо,—согласился Президент,—отправим к нему Илью с Алексеем. Только, чур, не говорить, кто и откуда. Скажете, что ребята—волонтёры. Помогают от общественной организации.

— Вот и добро!—обрадовалась Глафира.— Всё так и скажу!—и, расчувствовавшись, поведала:— Мы тут вдвоём уже три зимы зимуем. Дак договорились, чтоб каждый день глядеть—идёт ли дым из трубы. А если до обеда дыма нет, доковылять из последних сил—проверить, жив ли. Я в ту зиму не один раз так к нему бегала. А он, паразит, дрова бережёт... — Что же, совсем у него никого нет?—поинтересовался гость.

— Сынок был, да пропащий. Всё по тюрьмам. Доченька, так та померла, вишь, раньше родителя... И сам он вдовый, уж четвёртый год пошёл. Тамара-то, жена его, хорошая женщина была. Она за ним следила и хозяйство держала. А как не стало Тамары-то, он как старый гриб. Ворчит только, курит да засрался, прости Господи, весь...—Глафира шлёпнула себя ладошкой по губам за вылетевшее бранное слово.

А Президент тихонечко засмеялся.

— Надо вот пойти его проверить, а то не показывался вчера. Да щей отнести. И в баню я обычно его зову. Он своей-то после Тамары не тапливал. — Ну, вот уедем мы, и помоемся сосед ваш. А пока лучше, чтобы он сюда не ходил. Вы уж не обижайтесь. Так надо. Конспирация.

— Конспирация,—согласно повторила Глафира. — А я пойду, пожалуй, в поле за деревней прогуляюсь. Засиделся. Надо размяться, подышать да подумать...

И Президент, прихватив с собой Никитича, отправился на прогулку. Бабка же вернулась с улицы в избу, чтобы собрать старику гостиницу: налила в пол-литровую банку супу, в ведёрко из-под майонеза, чтобы не раздавились, положила пяток свеженьких яиц. Заглянула в холодильник и, рассудив, что не убудет, а дед такого в жизни не едал, отрезала по чуть-чуть от сыра, ветчины, рыбки и рассовала деликатесы по пакетикам.

Мурка, учув возню возле холодильника, страшнула с себя котят и прибежала к хозяйке. Так и ей достался кусочек невиданной рыбки, которую она сперва недоверчиво обнюхала, поглядывая на Глафиру: дескать, не отравишь ли? А потом долго жевала, похоже, так и не оценив. Запила молоком.

Деда Глафира застала тоже на улице. Он бродил с сучковатым батоном¹⁵ по своему запущенному, заросшему огороду и, критически насупившись, оглядывал из-под густых бровей фронт работ. Которое лето не косил он травы вокруг дома, и потому сейчас вся дернина¹⁶, среди которой чернел маленький кусочек картофельника, торчала сухими бодыльями¹⁷, мелкой берёзкой. Забора не было вовсе—его, давным-давно повалившийся, прогнивший, старик разобрал и спалил в печи. Границы огорода можно было определить только по ровному ряду молодых крепких черёмух и рябинок, когда-то насажившихся вдоль ограды и оттого уцелевших.

— Бродишь?!—крикнула Глафира соседу, но тот, разумеется, не расслышал. Так и стоял спиной, смотрел в землю.

Чтобы не напугать старика внезапным появлением, бабка оставила пакет с провизией на крыльце его дома, а сама обошла огород так, чтобы выйти спереди, показаться ему.

Завидев Глафиру, дед приветственно вскинул батог, заулыбался беззубо, пожёвывая прилипшую в углу рта потухшую папироску.

— Никак копать собрался?!—спросила его бабка, имитируя движеньями работу с лопатой.

— Завтра начну,—скрипуче отозвался дед Семён. — Ну дак и не торопись!—подошла и прокричала ему в самое ухо Глафира.— Помощников тебе пришлю!

— Хвошник¹⁸ всё заполонил,—согласно закивал старик,—земля кислая. Золы посыпать надо поболее...

— Тьфу ты, старый хрен...—выругалась бабка и заорала ещё громче:— Не копай сам, говорю! Не копай!!!—и она снова показала, что копает, а потом перекрестила руки.

— Не копать?

— Да!

— Почему?

— Ребята! Ребята посадят!!!

— Робята?

— Робята!

Дед Семён недоверчиво посмотрел на Глафиру и спросил:

— Валька, что ли, приехал? С детьми?

— Дождётся их...—сказала бабка тихо и добавила криком:— Нет! Волонтёры!!!

— Кто?—дед Семён даже ладонь к уху приставил наподобие ракушки.

— Волонтёры!!!

— Кто?!

— Да чтоб тебя... Во-лон-тё-ры!!! От общественной организации!!!

— Кто? Громче говори!—сердился старый глухарь.

— Дед Пихто!!!—в сердцах плюнула осипшая уже от ора Глафира.— Есть пошли!!!

.....

15. Батог, или подог—толстая, крепкая палка для опоры.
16. Дернина, дёрн—целина, не перекопанная, некультуренная почва.
17. Бодылья—сухие высокие стебли и цветоносы травянистых растений.
18. Хвошник, хвошник—заросли хвоща.

— Пошли,— сразу согласился дед и повеселел.— Супчику принесла?

— Принесла, принесла...— проговорила бабка, вздохнув.

И оба побрели к дому старика.

Глафира поставила железную миску со щами разогреваться на электрическую плитку. Выложила на тарелку из пакетиков деликатесы, отрезала хлеба, сунула деду в руку вилку и велела есть. Вечно голодный, но разбористый старик принялсяковыряться в еде.

— Это чаво такое?— спросил он, подцепив вилкой кусок ветчины.

— Мясо. Не видишь?— рассердилась Глафира.— Ешь, не перебирай!

— А это? Рыба, что ли?

— Рыба, рыба,— отвечала бабка, заглядывая в стариковскую печь.— Когда топил-то? Сыро у тебя.

Дед молча жевал, смотрел в стену.

Она принесла дров, растопила печь. Намыла картошки, сложила в чугунок, залила водой и сунула к огню.

— Завтра, даст Бог, с утра пораньше приду к тебе. Пирогов затворю да напеку. А то, видишь, у меня-то никак. Президент ночует...

Глафира испуганно осеклась, шлёпнула себя снова по губам, покосилась на деда. Тот сидел за столом всё так же прямо, шевелил беззубым ртом. Выглядел он жалко, потерянно и вряд ли вообще понимал, что ест. Убавки защемило сердце. Давно бы забрала старика к себе, но грязнула он, да ещё курево это распроклятое.

Суп начал закипать. Глафира выключила плитку, сняла миску, поставила перед стариком, подала ему ложку.

— Яйца там. Видел?— она махнула рукой на buffet.— В тарелку вон выложила. Понял?!

Дед Семён поднял голову, похлопал на неё слезящимися глазами.

— С кем говорю...— горестно вздохнула Глафира, прихватила пакет с опустевшей посудой и, показав жестом, что она пошла, поторопилась к дому.

Работников тоже пора кормить. Зря, что ли, она вчера целую кастрюлю свежих щей наварила? Не всё ей угощаться, пора и самой гостей попотчевать.

Но на полпути, посреди деревни, она встретила возвращающихся с прогулки Президента и Никитича.

— А что там за кирпичные развалины на краю поля?— поинтересовался Президент.

— Ферма стояла.

— А сгорело что?— спросил в свою очередь Никитич.

— Школа сгорела.

— Давно?

— Давно... Вы думаете, тут всю жизнь так было? Три дома?... Не-ет! Большая деревня стояла, богатая! И школа, и магазин, и ферма, и конюшня.

Отец мой на той конюшне работал. Хомут-то с вожжами в кладовке висит... Как с фронта вернулся, назначили его конюхом, так до пенсии и работал. Вон там, видите, взгорок? Весь берёзкой да крапивой зарос...— Глафира указала рукой за дома.— Это пруд копали— коров да лошадей поить, земли-то и нагребли. А рядом как раз и ферма стояла, и конюшня. Двенадцать лошадок! Я всё детство вместе с мальчишками да вон с Семёной с этим же,— кивнула она на дом деда Семёна,— в ночное их гоняла. Да без седла! Голым задом на хребтине до того напрыгаешься, грех сказать, ссадишь всё, потом коростина нарастёт, сойдёт, и тогда уже всё ничоём.

Президент с Никитичем насмешливо переглянулись. Глафира уловила это и оговорила сама себя:— Чего и мелет бабка, да?! Так и жили. Теперь и не верится... Да пойдёмте, я покажу!

И она устремилась за деревню, к зазеленевшему перелеску, только пустая пол-литровая банка стучалась об пустое же ведёрко в пакете. И гости, делать нечего, побрели за ней.

Эта деревня— нет, не родная Глафире, она сюда замуж вышла. Поставили к отцу на конюшню помощником Гришку Касаткина. Парень раскатыый, разворотливый. Понравился он отцу. Ну и свёл младшую дочь с Гришкой. У них и сладилось. Ей, правда, тогда другой нравился, в клубе всё плясал с ней, подмигивал, за ручку брал. А потом уехал в Ленинград, на завод, работать, и стало как-то всё равно, за кого замуж идти. Но прожили нормально, не хуже людей. Жаль только, что сынок один у них. Так уж вышло. Подняла однажды Глафира тяжёлый мешок и... потеряла второго ребёнка. А врачи в больнице сказали: больше детей у неё не будет. Что уж тут поделаешь?

Глафира на ходу вспоминала о прошлой жизни, и та, давно покинувшая эти места жизнь, люди, уехавшие отсюда в поисках лучшей доли или перебравшиеся на вечный покой на кладбище, вновь появлялись, словно проступали, прорисовывались сквозь туман, будто видение. На пустыре выросли хозяйственные постройки, добротные дома, двухэтажная деревянная школа. Посреди деревни встал магазин с большими высокими окнами и наличниками, выкрашенными синей краской, и контора сельсовета. Вокруг деревни, куда взгляда хватало, исчез березняк, уступив место распаханным, засеянным полям, лес отступил, сделался ниже, открыл взору синие лесные дали. Замычали коровы, пастух щёлкнул кнутом и гикнул на них, не стесняясь крепкого словца. Лошадь под ним заржала задиристо, словно вторя седоку. Запели петухи, залаяли собаки. Грузовик проехал, оставив вонькое облако отработанного бензина. Трактор затарахтел. Протопала мимо ватага мальчишек с удочками, и долго ещё слышался удаляющийся ребячий смех и громкий разговор. К колодцу

за водой пришли две хозяйки, сцепились языками. Застучал молоточек — в одном из дворов хозяин отбивал косу. Заширкали пилы, запел по брёвнам топорик — артельщики перекрывали крышу на ферме по-современному — шифером, сдирая и сбрасывая на землю пласты отслужившей своё дранки¹⁹. У конторы остановился председательский «газик», протопали по высокому деревянному крыльцу сапоги. Из открытых окон послышались голоса, бабья перебранка, утихомиривающий бас бригадира. Потом общий смех. На крыльцо высыпали женщины-колхозницы, получившие наряд. Вместе с ними была и молодая, стройная, высокая, кареглазая Глафира. Она поправила платок на голове, прихватила деревянные грабли и вместе с другими бабами отправилась в поле — шевелить подсыхающую скошенную траву. Весёлой говорливой гурьбой топали бабы вдоль деревенской улицы, а трое молодцев, поглядывая на них, подначивая словцом, лихо закапывали в землю уже пятый новенький беленький столб — электричество тянут! Скоро засветится во всех домах «лампочка Ильича», спрячут хозяева керосиновые лампы в кладовки. А пока — белый день, и света не надо! Солнце сияло в высоком голубом, с редкими облачками, небе. Пел и кувырчался в вышине жаворонок. Жизнь была понятная, трудовая, честная. Люди — работающие, отзывчивые, добрые. Будущее казалось ясным, приветливым, благодатным.

Колхоз богател. Новые дома строились для колхозников. Дети рождались. В каждой избе — телевизор, холодильник. Мотоциклы, даже личные автомобили покупать стали. Они с мужем два раза на курорт по путёвке ездили. В море купались. Солё-о-оное!

И когда это всё сломалось? Как-то незаметно, как-то исподволь... И работали вроде так же. И зерна-молока растили-сдавали не меньше. Вдруг стало всё хиреть, сыпаться, техника старая, на новую нет средств, запчастей тоже нет. Вот где бабкины кони-то пригодились бы! Да где те кони? Давно колбасой съели... Одно поле запустили, другое... А долго ли? Год-два не паши, не сей — вот и заросло. Работы нет. Молодёжь побежала. Детей не стало. Школу закрыли. Колхоз распустили. Ферму только оставили, а коров чем кормить — не знали. Тянули, сколько могли. Потом и это прикрыли. Свезли бурёнок на мясо.

Муж Глафирин от тоски запил. Да и помер вскорости. В девяносто пятом это случилось. До пенсии два года не дотерпел. И остались в деревне Глафира, Семён со своей Тamarой, ещё одна престарелая пара да одинокий старичок. Доживали свой век да уходили по одному.

— А кто тепер есть — вы и сами видите... — подвела неутешительный итог старуха.

Развалились, сгнили от одиночества брошенные хозяевами дома, магазин раскатали и распилили на дрова, сгорела по мальчишеской дурусти двухэтажная школа, с фермы сначала растащили шифер, потом, сколько могли, долбили из стен силикатный кирпич, электрические столбы иструхли, накренились — того и гляди рухнут. В ветреную, мокрую или снежную погоду частенько отключается здесь свет.

Глафира с трудом вынырнула из воспоминаний. Оглянулась вокруг — светлый тонкий березняк тянулся к пасмурному небу. Под ногами — сырая колеистая просёлочная дорога. Рядом стояли усталые, продрогшие Президент и Никитич. — Замучила я вас? — опомнившись, спросила Глафира.

Она увлеклась, не замечала времени, а мужчины, оказывается, терпеливо шли за ней, не перебивая, слушали её.

— Нет. Наоборот. Спасибо вам за рассказ, за историю нашей страны, — ответил Президент. — Да вы и сама, Глафира Фёдоровна, живая история!

— Да чего уж, — смущённо заулыбалась бабка, — ни памяти, ни сил не осталось. Только вот тут болит, — она показала куда-то на солнечное сплетение, — душа мается за внуков, за правнуков. Жизнь-то какая пошла! Живы ли будем?!

— Домой пора, — перебил её восклицания Никитич. — Дождь начинается.

Оказывается, они бродили так долго, что Илья с Алексеем не только докопали огород и посадили картошку, но и успели подновить забор — из оставшихся досок поставили, вместо сгнивших и упавших, два новых прясла. И отдельные доски тоже заменили.

Глафира, хоть и притомилась от прогулки и воспоминаний, всё же нагрела шей и уговорила всех, даже Президента, их отвезать. Ели с аппетитом, нахваливали бабкину стряпню. Может, из уважения, может, по правде. В конце обеда Алёша радостно похвастался, обращаясь к хозяйке:

— А мы на вашем огороде клад нашли!

Он достал из кармана спортивных брюк монетку, подкинул её и положил на скатерть, чтобы всем было видно. Это были две копейки 1906 года, исключительно хорошо сохранившиеся в земле. Все с любопытством рассматривали их, передавали друг другу.

— Там, где сейчас огород, старый дом стоял, — пояснила Глафира, — а в старину принято было под углы монетку закладывать. Чтобы богатство в доме водилось.

— Значит, там ещё три монетки должны быть! — воскликнул Алёша. — Углов-то у дома — четыре!

19. Дранка — тонкие деревянные пластины, которыми покрывали в старину крыши наподобие черепицы.

— Перекапывать пойдёте? — поддел его Президент. — То-то Глафира Фёдоровна вам спасибо скажет за обратно выкопанную картошку!

Все засмеялись. А хозяйка слегка напряглась: вдруг и вправду пойдут снова перекапывать?

— Не-е, я думаю, надо металлоискатель раздобыть и побродить по округе, — азартно рассудил Алёша. — Много интересного найдётся.

Глафира облегчённо выдохнула (огород всё-таки не тронут) и мягко осадила ребят:

— Да тут уж всё вылазали местные умельцы. Железо ищут, потом сдают. Наверное, всё уже откопали да пропили.

— А мы ещё поищем! — не сдавался неунывающий Алёша.

— Клад-то ваш невелик, — вставил своё слово Никитич. Он уже успел заглянуть в телефоне в Интернет. — В начале прошлого века на две копейки ты бы, Алексей, купил одно яйцо. Ну, или одну свёклу! — Всего-то! — разочарованно воскликнул тот.

— А сейчас, если выгодно загонишь какому-нибудь антиквару... — водитель полистал что-то в телефоне, — сможешь купить десяток-полтора яиц.

Все засмеялись, даже Глафира не смогла сдержаться.

Илья дружески потрепал Алёшу по загривку: — Не расстраивайся. Завтра походишь с металлоискателем, найдёшь подкову на счастье! Может, даже золотую!

— Надо сначала металлоискатель найти, — проворчал осмеянный парень.

— Интернет тебе в помощь! — встав из-за стола, похлопал его по плечу Никитич. — А мы с Ильёй пока поспим часок. Клонит что-то после обеда...

Ребята попытались помочь убрать посуду, но хозяйка настойчиво выпроводила их, поставила греть воду, чтобы всё, не торопясь, перемыть самой.

Президент задумчиво сидел у окна, смотрел, как расходится дождь, как всё сильнее, чаще капает с крыши, как появляются лужи на дороге. Потом тихо спросил:

— А можно мне на печке полежать?

Глафира пощупала бок русской печи — едва тёплый. Забралась по приступочке, сунула ладони под старый матрас, раскинутый на печной спине, — здесь кирпичи хранили жар дольше.

— Полежайте, я вам подушку подам. На печке в такую погоду сла-адко спится. Как в детстве!

Глава страны взобрался по лесенке наверх, устроился поудобнее. К нему сразу же пристроилась Мурка.

— Гоните её! — велела хозяйка.

— Пусть лежит. Не мешает...

— Можно я телевизор потихоньку включу? Пока посуду мою, новости гляну.

Президент разрешил.

Бабка нажала кнопку на пульте. Экран засветился. Послышалась заставка новостей. Ведущий

поздоровался, коротко осветил события. Следом на экране появился Президент — он проводил дистанционное совещание с руководителями регионов по пандемической обстановке.

Глафира выпустила из рук тарелку, которую мыла. Та грохнулась в раковину, но, по счастью, не разбилась. Бабка растерянно глянула на печку, потом снова на экран телевизора. Покашляла и, словно бы ни для кого, сказала:

— И в телевизоре Президент, и на печи Президент. Так разве бывает?

— Бывает, — спокойно отозвался Президент, который на печи. — Это мой двойник совещание проводит. А цифры мне сегодня утром передали, я их изучил, с Анной Юрьевной связался, обсудили положение. Предложения я внёс. Так что всё по-настоящему, двойник зачитывает мои же вопросы и указания.

— Значит, двойник всё-таки есть? Не врёт народ? — уточнила Глафира, вытирая полотенцем тарелки и ложки.

— Есть, как не быть! Я вам больше скажу: и тройник есть, и четверник! — засмеялся Президент и свесился с печки. — Разве возможно одному человеку везде успеть? Утром у меня совещание, днём — приём, вечером — я уже где-нибудь в другой конце страны, а ночью, глядишь, в другой стране.

— А я-то вас жалею, дура старая! — воскликнула бабка. — С ног говорю, сбился, наш дорогой! Нет ему покоя ни днём, ни ночью!

— Так и с двойниками, Глафира Фёдоровна, покою нет! Не успеваю ничего! На неделю вот к вам отпустили, так я сколько упрасивал! Устал, говорю! На волю хочу!

Глафира внимательно взгляделась в лицо человека, лежащего у неё на печи, и вдруг жёстко спросила:

— А кто докажет, что у меня на печи лежит настоящий Президент? А не двойник и не тройник?

— Просто поверьте, — ответил человек, лёг обратно и, вздохнув, добавил: — Я и сам-то иногда не понимаю, где я, а где не я... У этого, который сейчас совещание ведёт, нижняя челюсть острее, а лоб — ниже. И глаза у него темнее.

Глафира взгляделась в лицо Президента в телевизоре. Может, и правда. И лоб, и челюсть... Но сюжет тут же сменился, и рассмотреть точнее она не смогла.

— А как его зовут? Двойника-то?

— Ну зачем вам знать то, что знать не нужно?..

— И то верно. Меньше знаю — крепче сплю... — согласилась старуха. — Давайте я лучше печку затоплю, чтобы вам теплее было.

«Надо беречь Президента, — рассуждала она, складывая в тёмное жерло печи берёзовые поленья. — Настоящий он или нет. Другого не будет. Во всяком случае — в моей жизни...»

По вечерам Глафира привыкла смотреть какой-нибудь сериал по телевизору. Не любила, если дрались и стреляли. Выбирала фильмы простые, житейские, ей понятные. Сочувствовала героям в их любовных метаниях и рабочих или семейных неурядицах. И не важно, что героями этими были в основном городские фифы или топ-менеджеры. Жили они в загородных домах или элитных квартирах. Ездили на дорогущих иномарках. Ели в ресторанах. Отдыхали в саунах и спа-салонах. Заключали договора, строили бизнес-проекты, открывали счета, переводили деньги, обсуждали всевозможные аферы или становились их жертвами. Пожилая телезрительница искренне сопереживала страданиям какого-нибудь красавца в дорогом костюме, когда его подставлял его же друг или предавала длинноногая невеста.

— Экий ты простодырый... — сокрушалась Глафира. — А я сразу поняла, что эта краля-секретарша тебя не любит нисколько! Денежки ей твои были нужны. То ли дело парикмахерша-то, девка простая, нашенская. Вот и женись на ней!

При высоком госте Глафира лишней раз включать телевизор постеснялась. Но и сидеть весь вечер в спальне ей было скучно. Она хотела начать вязать носки для Президента, уже и нитки, и спицы приготовила, но не знала его размера, и спросить тоже не знала как. Поэтому в этот воскресный вечер, помаявшись, робко выползла в залу.

Президент полулежал на диванчике и читал книгу.

— Вы не будете возражать, если я снова телевизор включу? — отчего-то шёпотом спросила хозяйка. — Кино там... Я посмотрю маленько. Если неинтересное, так и спать пойду.

— Глафира Фёдоровна, вы у себя дома и можете делать всё, что хотите, — вежливо ответил гость. — Мне вы нисколько не помешаете.

Бабка включила телевизор и присела у стола на табуретку. Сразу убавила звук до слышного ей минимума и теперь, половину не разбирая, старалась вникнуть в сюжет фильма.

Какой-то богатенький папенькин сынок ехал на дорогой машине и сбил простую девицу. Поводился ходить к ней в больницу, цветочки-апельсины носить. Девица, переехавшая машиной, лежала на больничной койке вся розовая, довольная, с одной ссадиной на лбу. Ну, может, ещё на ручке пальчик сломала. Конечно же, накрыла их неземная любовь. Конечно же, папенька оказался против. Попробовал сунуть девице денег. Она их гордо бросила ему в лицо, из больницы сбежала и уехала в свою родную деревню.

Пока события развивались в городской среде, Глафира как-то умудрялась молчать и не комментировать вслух, только один раз, когда папенька принялся измываться над болезной, не сдержалась, погрозила ему кулаком и прошептала:

— Куды лезешь в дела молодых? Сами разберутся!

Но когда началась часть деревенская, бабку понесло. Оказалось, создатели фильма вообще ничего не смыслили в сельском быте. Девица везде и в любую погоду скакала в коротком платьишке и босоножках. Умудрялась даже так ходить в лес и на ферму.

— Там навозу по колено, а она голыми ляжками сверкает! — возмутилась Глафира. — Это где они такие фермы видали?! Пол хоть языком лижи!.. О-ой, да она и доить-то не умеет! Ишь, пальчики наманикюрила!..

Спохватившись, бабка извинилась перед Президентом и продолжила какое-то время смотреть молча. Но тут героиня пришла домой и стала затапливать печку. Вместо дров приволокла какого-то хворосту и давай поджигать. Тут уж бабка сдержаться не могла и даже хлопнула себя от возмущения по коленкам:

— Да что ж она делает-то?! Заслонку-то не открыла! Слышь? Ведь вся дымина сейчас в избу повалит! О-ой, это ж надо такой беспутый быть!

Но волшебная кинематографическая печка топилась бездымно.

Девица принялась чистить картошку, и Глафира не могла смотреть, как она снимает вместе с кожурой по полкартофелины.

— Поросся-то у тебя есть? Столько добра на выброс, рученьки бы тебе оторвать...

Президент книгу уже давно отложил, потому что читать, конечно, было невозможно. Он прилёг, закрыл глаза и тихонько посмеивался над каждой бабкиной репликой. Потому что Глафира и телевизор — это было своё, отдельное кино.

— Да что ж они двери-то никто не закрывают?! Ведь зима же! Всё выстудят! — негодовала Глафира. — А стены-то, стены-то у избы почему все в дырках? Воробей пролетит! Они их что, не конопатили? Вот улицу-то и топят!

Тут хозяйка заметила, что гость хочет спать, снова извинилась перед ним и терпела довольно долго.

Последней каплей стал эпизод, в котором приехавший к девице папенькин сынок спасал из пожара свою возлюбленную. Дом полыхал. Герой на руках выносил героиню из огня, а у него за спиной рушились горящие потолочные балки.

— Это что же за дом?! — закричала бабка. — Из чего его строили?! Из бумаги? Не успел загореться, уж матицы²⁰ попадали. А эти, молодые-то, до того доцеловались, что и дыма не учуяли! Лежат на кровати, милуются, а у них уж занавески горят! Тьфу!

20. Матица — потолочная балка, стёсанное бревно, на которое крепился потолок. Также служило основой для стропильной конструкции крыши.

Глафира всыпала соль, телевизор выключила, в сердцах отбросила пульт.

— Запретите вы им такое кино снимать. Ведь всё брешут! Вводят людей в заблуждение относительно нашей деревенской жизни.

Рассерженная, она побрела в спальню и, укладываясь спать, продолжала ворчать:

— Вот раньше фильмы снимали. Ведь умели! Не чета этому... Как там одну молодую, красивую в председательши-то выбрали. А она не знает, за что и взялась. Поехала к начальству за советом. Да полюблила начальника-то... «Хороший,— говорит,— ты мужик, но не орёл!» А он и глазом не повёл. О-ой! Слезами умоюсья... Как же артистку-то звали?.. Знаменитая ведь... Или ещё кино смотрела. Давно-о! Даже к нам в клуб привозили. Мы с Гришей ходили смотреть... Вот ведь голова дырявая. Опять не помню название! Паренька-то он взял, сироту. И жили они душа в душу. Потом кралю завёл. А пареньку-то она не по нраву пришлась, он ей космы и обрезал ночью. Шукшин! Вот! Василий Шукшин мужика-то играл! Этого помню, как звать! Настоящий, нашенский потому что. Помер вот только рано. Какой хороший артист был!

Глафира выключила свет, легла на кровать, укрываясь одеялом. Полежала молча с закрытыми глазами, но, видимо, ещё не совсем успокоилась и договорила:

— Вы им там скажите, чтобы в следующий раз приезжали ко мне, я им всё растолкую! Как люди в деревне живут. И дома дырявые строить не надо. Так и быть, свою избу под съёмку уступлю... Ой, киношники, только расстроили бабку. Как и уснуть теперь?..

День третий. Вода

(4 мая, пн.)

Всю ночь по крыше колотил дождь. Он то затихал, то принимался идти сильнее. Доверху наполнились дождевой водой бочки и старый банный котёл, поставленные бабкой под сток. Намокла и раскисла дорога, в колеях стояли лужи. Черёмуховые соцветия пожухли, смялись. Одуванчики с утра не раскрыли свои жёлтые клювы, значит, дождь затянется. Пусть промочит землю. Смоет прошлогоднюю траву, подгонит свежую.

Утро пришло серое, неприветливое, промозглое. Но, помня про важное дело, поднялась Глафира по обычаю рано. Она ещё с вечера сложила в сумку двухкилограммовую пачку муки, кочан капусты, баночку солёных грибов, пару крупных луковок и бутылку постного масла. А сейчас достала из холодильника и сунула к продуктам брикетик дрожжей и отправилась на другой конец деревни.

Дед Семён ещё спал. Лежал он на комкастом тюфяке, постеленном на провисшую сетку железной кровати, в каком-то коконе из старых

полотубков. Дверь он не закрывал давным-давно, поэтому Глафира свободно прошла в его избу, пристроилась на кухонном столе: затворила в большой кастрюле быстрое постное тесто, мелко нашинковала капусту и поставила её жарить в глубокой сковороде. Покрошила лук, промыла и порубила солёные грибы. Пока готовилась капуста, бабка нашла старые Тамарины противни, намыла их, просушила. И только когда тесто подошло, затопила печь.

Хозяин поднялся, почуяв вкусные запахи, первым делом засмолил сигарку, долго, грудно кашля, выполз к печи, посмотрел, чего делает старуха. — Погли-ко, кашляешь,— заворчала на него Глафира,— скоро лёгкие выплюнешь, а всё дымишь!

Она уже сгрузила капусту со сковороды в глубокую тарелку остывать и поставила жариться грибы с луком. Между делом замесила тесто и принялась лепить маленькие, аккуратные пирожки с капустой, укладывала их на противень, сверху смазывала взбитым яйцом— так поджаристее будут. Пирогов она не пекла давно, но тесто подошло хорошо, а руки сразу вспомнили привычное занятие.

— Умывайся давай!— велела она старику.— Скоро пироги поспеют, а ты ещё глаза не продрал!

Дед отмахнулся от неё— и не слышал ничего, и мыться не хотел. Сам вскипятил чайник, сам заварил чай и теперь сидел, пил его, пустой, горячий, вприкуску с новой папироской.

— Перерыв хоть делай! Всю пенсию на табак изводишь!— пилила его Глафира.

Печь протопилась. Стряпуха торопливо сгребла красные, пышущие жаром угли к задней стенке и один за другим сунула в широкое печное устье противни с сырыми пирожками и булочками-витушками. Прикрыла заслонкой. Присела рядом с печкой на табуреточку отдохнуть.

— Давно ты меня печивом не баловала!— прошамкал дед.— Чего вдруг засуетилась? Словно гости у тебя.

— Может, и гости есть,— тихо ответила Глафира, понимая, что тот всё равно не расслышит,— да не про твою честь!

Не прошло и десяти минут, а она уже ссыпала на чистый стол готовые румяные пирожки. Не считала, сколько вышло штук, но большая получилась горка!

Своими корявыми пальцами с вечными глупками трещинами и чёрными ногтями старик выхватил из кучи горячий пирожок, разломил, втянул ноздрями духовитый парок. Откусил, помял беззубым ртом и вынес вердикт:

— Тамарка моя вкусно пекла-готовила, жирно, но твоя, слышь, Глашка, стряпня мне всегда больше нравилась.

— Вот и ешь!— удовлетворённо кивнула головой старуха.— А мне бежать пора!

Она сняла фартук, покидала в сумку оставшиеся продукты и освободившуюся посуду. Оделила деда десятком пирожков и улиток, а остальное сложила в большое блюдо, которое поставила в широкий пакет.

Когда старуха вышла на улицу, дед Семён отложил недоеденный кусок, поднялся от стола, побрёл до окна и долго смотрел ей вслед. Что-то странное творилось с Глашкой, будто помолодела она лет на десять. И даже равнодушному ко всему старику захотелось узнать причину такой перемены.

Дождь ещё моросил, но поднявшийся ветер гнал тучи по небу всё быстрее и быстрее, обнажая голубые проталины. А когда Глафира доковыляла до своего края, лучи солнца пробрили хмарь. Во хвалу победившему ненастью небесному светилу хором запели птицы.

В проулке перед домом не было чёрной машины. Глафира забеспокоилась, заспешила в избу. Никого. Только котята возятся на полу. Диванчик аккуратно застелен. Вещи Президента и его ноутбук — на месте. Было видно, что гости позавтракали и прибрали за собой. Даже чайник ещё тёплый. Хозяйка заглянула на повесть — палатка тоже на месте. Наверное, по делам уехали — раскудила Глафира, но тут на крыльце послышались шаги. Она выглянула туда, увидела Мишу и Лену — пожилых соседей-дачников, и не смогла скрыть досады.

— Доброе утро, баба Глаша! — поприветствовала её женщина. — Как здоровьице? Ты, говорят, болела?

Соседи, привыкшие к её гостеприимству, направились было в избу, но Глафира нарочно повернулась к ним спиной и стала перебирать пустые банки, стоящие в старом буфете на мосту.

— Здравствуй, Лена, — сухо ответила она. — Болела да выздоровела.

— Я тоже переболел! — сообщил Миша, принявший внезапную бабкину суровость за страх снова заразиться. — Кровь сдавал — антитела зашкаливают!

— И у меня, — добавила Лена, — только я бессимптомно, а Миша-то повалялся недельку. Слава Богу, без больницы обошлось!

— А у меня не обошлось, — проворчала Глафира и, наклонившись к нижней части буфета, демонстративно выставила соседям зад, — сначала в районную увезли, а потом и в область.

— Повезло вам, Глафира Фёдоровна, в вашем возрасте мало кто выживает! — брякнул Миша и получил тычок в бок от жены.

— А Мурочка как? — искренне поинтересовалась Лена.

— Жива. Чего ей делается? — ответила бабка и распрямилась, повернулась, наконец, к соседям лицом. — Троих вон, паразитка, принесла.

— Поглядеть бы! Маленькие, наверно, хорошенькие?!

— Спят они, — отрезала Глафира. — Зачем тревожить?..

Беседа не клеилась. Хозяйка не знала, как побыстрее сплавить соседей, потому что в любую минуту могли вернуться её гости, а дачники, чувствуя неловкость, топтались на месте.

— Ну, мы пойдём, — сообразила, наконец, Лена. — Конфетки тут тебе, баба Глаша.

Она протянула бабке пакет. Та, не глядя, взяла и машинально сказала спасибо.

— Хотим сегодня картошку посадить и лук, — подержал жену Миша. — Промочило хорошо да тепленькое. Самое время!

— Переночуем, а утром на автобус! — добавила Лена.

Соседи как-то боком сошли обратно на крыльцо и отправились восвояси, тихонько переговариваясь. Странное поведение всегда радушной Глафиры Фёдоровны удивило и немного испугало их. Но они быстро решили, что такая перемена в характере старушки могла быть вызвана перенесённым ковидом: говорят же, что на нервную систему, на психику вирус сильно влияет. На том и успокоились.

А Глафира не знала, что делать: вернётся машина с гостями — глазастые и любопытные Миша с Леной обязательно заметят, вся конспирация насмарку. Хорошо, что в избу они так и не вошли, не увидели чужих вещей. Что же делать? Что же делать? Как предупредить Президента и его команду? И тут её осенило...

Через двадцать минут Глафира стояла на грунтовой дороге, рядом с отвороткой к деревне, под синим указателем. В руках у неё был тот же пакет, в котором она несла от деда Семёна пироги.

Припекало солнце. После дождя земля парила под его лучами, быстро просыхала. Свежая трава заметно подалась и уже почти затянула голые тёмные участки почвы или серые — прошлогодней лежалой растительности. Скоро всё зазеленеет, зацветёт, потянется к небу, к солнышку, будет впитывать его силушку для своей пользы и людской радости. Листья на деревьях и придорожных кустах тоже развернулись. Ещё младенчески нежные, не заплётённые, блескучие, они тешили глаз и вызывали прилив нежности в сердце. Сосна выпустила молодые мягкие побеги. Глафира сорвала один, очистила от ещё гибких, не колких хвоинок, пожевала. Он был кисло-горький и ничем не пах.

Ждать пришлось минут сорок, и одинокую старушку на дороге дважды пытались подвезти. Она хорошо знала людей, предлагавших помощь, и они её, конечно же, знали — обе остановившиеся машины были из ближайшего посёлка, но Глафира отговорила: мол, просто гуляет. Люди удивились и уехали.

Наконец чёрная машина, которую она ждала в волнении, показалась из-за дальнего поворота.

Глафира вскинула руку, будто бы голосуя. Но Никитич заметил её раньше, подъехал, остановился. — Что случилось, Глафира Фёдоровна? — опустил глухо-тёмное стекло задней двери, поинтересовался Президент.

— Нельзя вам пока в деревню! — обеспокоенно зашептала бабка, наклонившись к нему. — Конспирация! А там соседи нагрянули!

— Ну так что же... Надолго они?

— До завтрашнего утра. Картошку сажать приехали.

— А утром точно уедут? — строго спросил Илья, сидевший рядом с Никитичем на переднем сиденье. — Точно. Они долго не задерживаются, у них и в городе хозяйство.

— Автобус во сколько? — снова спросил Илья и добавил, заметив приближающийся автомобиль: — Да сядьте вы уже в машину!

Глафира забралась на заднее сиденье, села рядом с Алексеем, отгораживающим от неё Президента. — Автобус около восьми бывает.

— Как вкусно пахнет! — воскликнул глава страны. — Так это ж я для вас пирогов напекла! — запустила Глафира руку в пакет и протянула Президенту пирожок с капустой. — Специально к деду ещё засветло ушла. Думала к завтраку поспеть. Вернулась, а никого нет.

— Мы за металлоискателем ездили, — пояснил Алёша, принимая от неё угощение, — вон, лежит в багажнике. Нашли через «Авито», близко и дешёвый совсем.

Илья и Никитич тоже получили по пирожку, и пока все жевали, бабка озвучила свой план:

— Тут недалеко святой родник есть. Давайте туда съездим, воды наберём. По бору погуляем. Там бор рядом — большой, светлый! Еда есть, и квасу я бутылку прихватила. А в сумерках домой вернёмся. — А поехали! — согласился Президент. — Только дайте мне ещё пирожок! Больно уж они у вас вкусные.

— И мне! — сказали в один голос Илюша и Алёша.

А Никитич тронул машину с места.

Родник скрывался в глубоком овраге. Круча оврага поросла старыми замшелыми елями и пихтами, а внизу источник заполонило сорным ломким ольховником. Но добрые люди расчистили небольшой отрезок русла, положили осиновою колоду, построили длинную деревянную лестницу с удобными широкими ступеньками и перилами. Воду брали просто на питьё, на чай; кто-то говорил, что она минеральная, кто-то — что святая. Здесь всегда лежали про запас две-три пустые чистые пластиковые бутылки, стояла кружка. Потом кто-то повязал на веточку ивы, склонённой над родником, цветную тряпочку как поминовение о родных. Скоро тряпочек стало больше. К источнику поехали с отдалённых деревень, с района...

А однажды в летний церковный праздник из райцентра прибыл целый автобус паломников во главе с батюшкой. Родник освятили, воткнули рядом с ним деревянный крест, а со временем устроили и молельный домик с крытой купелью. Так маленький, затерянный в лесу ручеёк, вытекающий из отвесной стены оврага, превратился в знаменитое на всю округу место, куда люди ехали испить священной влаги, омыть лицо и руки, окунуться в купель не только на Крещение, но и в любой день. Особенно если на душе было тяжело, если болел кто в семье. Человеческая вера сделала из обычного лесного родника целебный источник, вера же явила чудеса: то там, тот тут испивший воды родственник исцелялся, беспкойный младенец начинал крепко спать по ночам, а загулявшая жена возвращалась к мужу. Ну, или муж к жене — какая разница? Главное, помогало!

А то, что источник и впрямь чудесный, доказала неверующим старая ель, рухнувшая с подмытого весенним паводком края оврага прямо на молельный домик и... не задевшая его. Ровнёхонько рядышком легла высохшая лесина, только ветви, со скрежетом и треском скользнувшие по железной крыше, посыпались в разные стороны. Люди потянулись смотреть на чудо. Подбирали и уносили домой осколки еловых веток как доказательство его. Кто-то пробовал заваривать эти веточки и пить настой: мол, тоже помогает от хвори.

Прошло несколько лет. И вот сырой прошлой осенью пронёсся над округой страшный ураган. Сколько леса поломал, сколько крыш посрывал! Старухи потом говорили, что как раз в эти дни в далёком Китае и завёлся распроклятый ковид. И Господь предупреждал: мол, дойдёт и до наших мест поветрие. Да только не думал никто, не верил, не озаботился заранее...

Приехали люди после стихии к источнику помолиться и набрать воды, а вместо густого елового леса в овраге лежали одни выворотни да стояли высоченные, двухметровые пни — как спички ломал и рвал ветер старые деревья.

Долго пропиливались мужики к роднику, а добравшись, ахнули: молельный домик, вокруг которого, что называется, Мамай прошёл, стоял целёхонек. Ну, тут уж у самых железных атеистов холодок по спине пробежал.

И сразу вспомнилась старинная легенда о сиротке Манечке, которой явилась на этом самом месте Богородица...

— Что же это за легенда? — спросил Президент, распрявившись от родника, в котором он только что умывал лицо. — Ох, благодать какая...

— Бабушка мне рассказывала, я совсем малая была... — ответила Глафира, перекрестившись.

Она наклонилась к колоде и, зачерпнув ладонью воды, медленно, мелкими глоточками, пила её, нестерпимо ледяную.

— Что же мужики только тропинку пропилили? — постоювал Никитич, потрогав нависший над лестницей пихтовый спил. — Столько ёлок навалило. Прибрали бы хорошенько! И обществу польза, и себе дрова.

— Дрова! — хмыкнула Глафира, оглядев поваленные друг на друга, белевшие разломами и спилами стволы. — За эти дрова потом век не рассчитаешься!

— С чего вдруг? Это же валежник. По закону разрешено.

— Разрешено, — подтвердил Президент. — Но есть нюансы...

— Да ещё какие! — Глафира нахмурилась, пожевала губами. — Иди, подбирай трухлявые сухари, от которых уже отстала кора. А на кой они мне? В них жару нет. Одна сажа да зола. Да и тут хитрость! Пили, но технику никакую использовать не могли. Вот и швыркайте, бабка Глаша с дедом Семёном, ножовкой заржавевшие ёлки да потом на себе таскайте. Хорошая зарядка.

— Какая вы подкованная, однако, Глафира Фёдоровна! — хохотнул спустившийся к роднику Илья. За ним шёл Алёша.

— Будешь тут подкованная... Сынка моего нынче зимой оштрафовали на тридцать с лишним тысяч за самовольную порубку сухарей. Достала бабка из смертного, подала сынку.

Глафира замолчала, обиженно поджав губы.

— Сухари-то на корню были? — хитро подмигнул Президент.

Но бабка на него даже не посмотрела, как будто это он лично оштрафовал её Вальку.

— А родник всё же надо расчистить, — обратился глава страны к охранникам и водителю. — Это общественное место. Завалы разобрать, обломанные вершины распилить, ветки сложить аккуратно. Что-то здесь оставить, что-то привезти Глафире Фёдоровне, сами разберётесь.

— А не оштрафуют меня? — недоверчиво покосилась на него бабка.

— Под мою ответственность, — успокоил тот и решил переключить её мысли на другое: — Так что же всё-таки произошло с сироткой Манечкой?

Глафира ответила не сразу, задумалась, припоминая. Присела на лавку. Президент опустил ся рядом.

Никитич с ребятами поднялись вверх — пошли осматривать фронт работ на завтра. Было тихо. Только журчал родник, да попискивали пичужки, перелетая с ветки на ветку. Солнце, давно перевалившее за полдень, проливало свет на самое дно оврага. Было оно нежное, весеннее, не жгучее. Раньше тут всегда было темно, сыро, жутковато — ели, подпиравшие вершинами небо, закрывали свет. А теперь здесь, у источника, будто и дышалось легче. Нет худа без добра.

Глафира подставила своё морщинистое лицо солнечным лучам, прикрыла глаза, прислушалась к ручью и заговорила тихо:

— Давно это было. Адамовы годы... Жила в деревне Завражье сиротка Манечка. Ну, не всегда она сироткой была. Папа-мама её родили, но так случилось, что сгинули они. Зимой в лесу заплутали да волку на зуб попали. И осталась Манечка шести лет одна. Ну, взяла её на воспитание бездетная тётка. Взять-то взяла, а полюбить не любила. Работала Манечка день и ночь, а всё неладно. И била её тётка, и голодом морила. Мужик тёткин не встретил: мол, сама взяла — сама и воспитывай... — Глафира кашлянула, отмахнулась от приставшей мушки. — Так прожила Манечка год. И уж сколько за этот год она слёз выплакала, сколько тумачков получила, сколько бранных слов проглотила. Как ни старайся — не угодить тётке. И тут, случись, а так часто бывает, когда приёмша возьмут, будто мзду заплатят, — у тётки своё дитё в животе завелось.

Улыбка скользнула по губам Президента. Рассказчица заметила это.

— Нет, правда! Я сама такие случаи знаю. Живут-живут, делают-делают — не получается. Отчаются, возьмут из детдома, а тут и родной ребёнок приспевт.

— Я ничего, ничего... Это я говорю вашему улыбнулся. Песня просто! Продолжайте. Очень интересно.

— А всё как бабушка мне в детстве говорила, и словечки все её. Столько лет прошло, а помнится вот!.. Значит, как своё дитё в животе завелось, так стала тётка Манечку со свету сживать. И решила сиротка уйти. Думает, лучше замёрзнуть в лесу, как её мама с папой, чем такую горькую долю долить. А зима была, мороз, вьюга. Одеда Манечка худое пальтишко своё, лапоточки дырявые, — голод Глафиры задрожал от жалости, — а рукавичек да шапочки у неё вовсе не было, — она смахнула слезу, — сухарик в ладошку зажала и пошла куда глаза глядят. Нет... не могу...

Рассказчица заплакала по-настоящему.

— Да что ж такое! — приобнял её за плечи Президент.

— Всегда плачу в этом месте... Бабушка рассказывала — плакала, и я всегда плачу. Жалко сиротку. — А что же дальше было? Как она Богородицу встретила? Хочется узнать...

Глава страны поднялся с лавки, зачерпнул кружкой воды из родника, протянул Глафире:

— Попейте. Успокойтесь. Всё же хорошо закончилось?

Он сел обратно.

Рассказчица глотнула пару раз, смочила ладонь, провела по глазам и продолжила:

— Долго ли, коротко ли брела Манечка, а дороги не видать, всё замело. Оступилась, горемычная,

скатилась в овражек, ножку зашибла. Слышит, ручеёк где-то журчит. А это вот это самое место и было. Так вот, ручеёк журчит. Думает, поем сухарика, водицей запью, может, согреюсь немного. Ветра в овраге нет, вьюга не метёт. Погрызла девонька сухарика, склонилась к роднику водицы зачерпнуть, и тут вспыхнул над ней невиданный свет!—в этом месте голос Глафира от волнения задрожал, и она перешла на таинственный шёпот.—И увидела она в отражении рядом со своим личиком лик Богородицы. Перекрестилась Манечка...—тут рассказчица и сама кинула на лоб и на грудь быстрое крестное знамение.—Говорит: «Матушка-заступница, за что мне доля такая злая досталась? Не лучше ли мне к матушке моей, к батюшке моему отправиться? Ведь в Раю они, под Божьим крылом...» Улыбнулась Богородица, накинула сиротку своим кружевным платом, и так тепло сделалось Манечке, так хорошо, не страшно совсем. «Жива твоя матушка, и батюшка жив,—сказала Богородица.—У Бога все живы...» Заснула Манечка сладко-сладко, и встретили её родители на пороге Божьей обители. И живут они в Раю, горя не ведают, ангелы им поют...

Глафира замолчала.

— Подождите, так она, получается, замёрзла? Умерла?!—воскликнул Президент.—А где же тут хорошее окончание?

— Сейчас доскажу...—бабка глотнула из кружки.— Нашли Манечку весной у этого родника. Нетленую! Спит сиротинушка, даже румянец на щеках играет, а в ручке иконка зажата, «Защитница сырых и оставленных», а в простонародье—«Матушка-Сиротская». Обретение образа случилось на этом самом месте! Поэтому и источник этот всегда святым был. И особенно вдовам, сиротам вода эта помогала. Помолится вдова у ручья, и, глядишь, возьмёт её с сиротками хороший человек замуж. А если сам сиротка поплачется на месте Манечкиной гибели, примут его в семью. И обязательно приёмные родители будут с ним добры и ласковы... А Манечку схоронили. Страсть народу пришло. И круглый год на её могилке цветы цветут. Даже зимой снег разгребут—и увидишь подснежник голубенький. То душа невинная на белый свет глядит.

— Очень грустная история...—вздыхнул Президент.—А тётка? Тётка Манечкина никак за зло не поплатилась?

— Бог всё видит—кто его обидит!—погрозила Глафира в воздухе пальцем.—Родила тётка больного ребёнка. Всю жизнь с ним маялась-качалась. Да ничего назад не поворотить.

— А как же узнали, что Манечка Богородицу здесь встретила? Кто мог рассказать, если свидетелей не осталось?..

Бабка неодобрительно взглянула на главу государства.

— Так это Богородица девочке в ручку свой образ вложила, неужели непонятно? А Манечка людям во снах стала приходиться и просила поставить часовню. И вот там, наверху,—Глафира показала рукой,—построили сельчане деревянную часовенку по наказу Манечки. И образок этот туда внесли, и молились ему. Но вскоре настали безбожные времена. Часовенку спалили лихие люди. Пропал и образок. А вера человеческая не пропала!—голос рассказчицы возвысился, зазвучал твёрже.—По сей день живёт! Поэтому и окончание у истории—хорошее. Загляните в молеальный домик—там образки стоят всё Богородицыны, всё «Матушки-Сиротские». Несут люди, молятся о заступничестве.

В воздухе повисло торжественное молчание. Только ручей всё шептал, только птички всё попискивали.

— Я, наверное, всё же испугнусь,—поднялся Президент с лавки и, махнув стоящим наверху ребятам, крикнул:—Алексей! Принеси мне полотенце!

А сам снял и положил на скамейку куртку-ветровку, стянул с себя футболку. Глафира невольно засмотрелась на накачанный торс Президента, на его сильные, мускулистые плечи, смутилась и, спрятав взгляд, пошла к лесенке.

— Я там, наверху, подожду...

На середине лестницы она встретила с Алёшей, всё же оглянулась и увидела в приоткрытой двери купели, как глава страны трижды погрузился с головой под воду, быстро выскочил из ледяной воды. Охранник шагнул к нему с большим развёрнутым полотенцем. Президент закутался и трижды перекрестился.

Глафира стала подниматься дальше, но тут голова у неё закружилась, она схватилась за перила, зажмурилась. А когда открыла глаза, в них всё ещё плавал цветной туман, и в этом тумане стояли и улыбались ей Богородица и Манечка.

Совсем близко белка метнулась по стволу уцелевшей ёлки. Глафира вздрогнула. Видение рассеялось. И сколько ни жмурилась очарованная им старуха, больше не являлось.

Глафира сошла с лестницы, повернулась к источнику и отвесила ему поясной поклон, коснувшись пальцами земли. А когда распрямилась и в глазах её снова поплыл туман, увидела, как над поднимающимся от родника Президентом засиял ореол из солнечных лучей. Она оглянулась на стоящих рядом Никитича и Илью: может, тоже увидели чудеса,—но те о чём-то тихо и буднично переговаривались.

Не каждому даётя...

После родника и купания Президент сделался молчаливым, сказал, что хочет побродить один, подумать. Но Никитич его одного, конечно, не отпустил. Шёл следом на приличном расстоянии, но чтобы спину главы всё время видеть.

Илюша с Алёшей — вот ведь мальчишки! — занялись металлоискателем. Не сразу разобрались, как им пользоваться, поспорили, думали даже, что сломан. Попытались найти подсказку в Интернете, но в лесу телефоны сеть не ловили. Плюнули, покумекали и дошли до всего сами. А потом часа два бродили по полю и по бору со своей игрушкой, рыли чего-то лопаткой, пока не надоело.

Когда и они, и Президент с Никитичем вернулись, Глафира стала всех кормить всё теми же пирожками с квасом. Парни похвастались трофеями: складной ножик — видно, грибник потерял, медная пуговица, обломок лемеха от плуга и пара пустых гильз от охотничьего дробовика.

— Надо в цветмет сдать, — хохотнул Илья, — на два чупа-чупса как раз хватит!

— Да ладно тебе, — добродушно осадил его Алёша, настойчиво пытавшийся реанимировать намертво заржавевший ножичек, — мы же только начали. Может, ещё клад найдём настоящий. Чугунок с золотыми монетами.

— Жили тут у вас в дореволюционные времена богатеи? — обратился Илья к Глафире. — Покажете местечко?

— Да как же у нас богатеи?.. — отмахнулась старуха. — Беднота да голытьба, крестьяне — одно слово, — она задумалась и продолжила: — А вот в соседнем уезде барынька жила-а. Усадьба у неё, коляска с конями, дворовые люди, всё как положено. Муж её, барин, значит, старше её был намного. И помер рано. А она красивая была, стройная, глаза — озёра. Сватались к ней молодые люди. Но барынька никому больше руки не подала. Сорок лет в трауре провела, в молитве, с монашками. Всё мужнино добро в дар монастырю и принесла.

— Так уж и всё? — засомневался Никитич. — Жить-то на что-то жила, и дом содержала, и дворовых.

— Это я не скажу, не знаю, — пожалала плечами Глафира. — Наверное, на хлеб-то приберегла, а дворовых распустила, оставила при себе двух девок да кухарку. Жила в трёх комнатах, остальной дом заколотила.

— Вот ведь бабы, — проворчал Алёша, у которого заметно испортилось настроение, — барин копил-копил, усадьбу строил, хозяйство вёл, а она вместо того, чтобы беречь и приумножать, монастырю отдала. Дары, видите ли! И много она через эти дары счастья поимела?

— Дак она же не просто так отдала! — возмутилась Глафира. — Не сдуру! Это муж её, барин же, и попросил!

— Хозяйство разорить попросил? Никогда не поверю! — продолжал злиться парень.

— Экий ты... — обиделась бабка.

Но Президент успокоил её:

— Не обращайтесь внимания, Глафира Фёдоровна, у Алексеева своя личная драма и зуб на всех женщин. Рассказывайте дальше...

У Алёши желваки заходили на скулах, но возражать он не посмел.

— Душу свою отмолить он её попросил! — продолжила Глафира. — Барин по молодости в Петербурге жил и гордый характер имел. Что не по нему — дуэль. И убил не то девять человек, не то одиннадцать. А его самого никакая пуля не брала. Поговаривали, договор у него с чёртом. Душу заложил. Но с последним у него вышла осечка. Сильно барина ранили, еле выжил. Тогда он и женился, и уехал в свою усадьбу с молодой женой. А как помирать стал — мается, мучается, криком кричит. Ну и позвал жену, за белу ручку её взял, слезами омыл, покаялся. Говорит, стоят убиенные вокруг кровати, каждый со своей раной. Попросил за него молиться и Богу душу отдал.

— Чёрту! — грубовато уточнил Алёша.

— Что чёрту? — не поняла рассказчица.

— Ну, душу-то. Он же чёрту душу заложил, значит, и отдал ему!

— А-а... — задумалась Глафира. — Но он же покаялся. Может, и простил его Господь.

— Про это вам, Глафира Фёдоровна, тоже бабушка рассказывала? — спросил Президент, который слушал и не мог сдерживать улыбки — такими наивными и трогательными были эти истории.

— Она, — согласно закивала бабка. — Кто же ещё? — Похоже, знатная сказительница была ваша бабушка. Такое записывать надо, чтобы не пропало устное наследие!

— Да кто же запишет-то? Бабка неграмотная была, а я — в голове помню каждое словечко, а как писать — так всё сбивается.

— Надо студентов-филологов к вам направить. Это их дело...

Глафира раздухарилась и начала хвастать:

— Ещё знаю сказку про то, как мужик нос потерял. Проснулся утром, а носа нет. Гуляет где-то. Или вот один мужик всё в карты играл. Да не больно везло ему. И пошёл он к ведьме, чтобы она ему, значит, главные карты сказала, а она его обманула. Он проигрался и умом тронулся.

Мужчины недоумённо переглянулись.

— Неужели и это бабушкины сказки? — спросил Алёша, с трудом сдерживая смех.

— Даже не сумлевайтесь! — радовалась бабка тому, что смогла так развеселить гостей.

— А вы про писателя Гоголя слышали что-нибудь? — спросил в свою очередь Илья и заданно прыснул смехом в кулак.

Никитич просто сидел, закрыв ладонью глаза, и мелко трясся.

— Да имя вроде знакомое, — растерянно ответила Глафира.

— А про Пушкина?

— А как же! В школе учили. Как там?.. «Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз...»

— Ну, это, допустим, Некрасов,— вытирал проступившие на глазах слёзы Алёша.

— Вы уж извините бабку. Ведь всё в голове перепуталось... — виновато опустила голову рассказчица.

Но тут вмешался Президент и остановил измывательство над старушкой:

— Глафира Фёдоровна, а вы песни старинные знаете?

— Я всё больше частушки! — вновь оживилась Глафира. — В девках-то бойкая была! Всех перепою, перепляшу!

Она встала со складного стульчика и, завлекательно поглядывая на Президента, выдала:

Ой, милоч мой, Василёк,
Кудрявая головушка!
Закатился уголёк
Во сердечко вдовушке!

Ребята, подбадривая, захлопали ей.

Бабка прошла по воображаемому кругу, сдёрнула с плеч платок, и, махнув им, выдала:

Ой, дружок, Володенька,
Больно ты молоденький!
Не ходи до мужней жинки,
Соберёшь одни дожинки!

Президент, опустив голову, прятал смеющийся взгляд, сдерживал улыбку. Но получалось плохо. Не ожидал он от хозяйки такой прыти!

Глафира задохнулась, тяжело осела назад на стульчик и закончила:

Не задáлася любовь
С самого начала.
Ах, зачем тебя, милёнок,
В жизни повстречала?..

Ей вдруг стало стыдно за свою смелость, неприличную для её возраста, и она поспешила оправдаться:

— О-ой, да никак с квасу бабка захмелела! Меня уж на том свете с фонарями ищут, а я плясать вздумала. Господи помилуй...

Глафира мелконько перекрестилась.
— Простите меня, если что не так. Какой спрос со старухи?..

Окончание следует